

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ  
ЛИЦА:

Амос Панфилыч Барабошев, купец, лет за 40, вдовий.

Мавра Тарасовна, его мать, полная и еще довольно свежая старуха, лет за 60, одевается по-старинному, но богато, в речах и поступках важность и строгость.

Поликсена, дочь Барабошева, молодая девушка.

Филицата, старая нянька Поликсены.

Никандр Мухояров, приказчик Барабошева, лет 30.

Глеб Меркульч, садовник.

Палагея Григорьевна Зыбкина, бедная женщина, вдова.

Платон, ее сын, молодой человек.

Действие происходит в Москве.

Сад при доме Барабошевых: прямо против зрителей – большая каменная беседка с колоннами; на площадке, перед беседкой, садовая мебель: скамейки с задками на чугунных ножках и круглый столик; по сторонам кусты и фруктовые деревья; за беседкой видна решетка сада.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Филицата и Зыбкина.

Зыбкина. Ах, ах, ах! Что ты мне сказала! Что ты мне сказала! То-то, я смотрю, девушка из лица изменилась, на себя не похожа.

Филицата. Все от любви, сердце ноет. И всегда так бывает, когда девушек запирают. Сидит, как в тюрьме, – выходу нет, а ведь уж в годах, уж давно замуж пора... Так чему дивиться-то?

Зыбкина. Да, да. Что ж вы ее замуж-то не отдаете? Неужели женихов нет?

Филицата. Как женихов не быть, четвертый год сватаются; и хорошие женихи были; да бабушка у нас довольно характерна. Коли не очень богат, так и слышать не хочет; а были и с деньгами, так, вишь, развязности много, учёные речи говорит, ногами шаркает, одет пестро; что-нибудь да не по ней. Боится, что уважения ей от такого не будет. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатого, и чтоб тихого, не из бойких, чтоб он с затруднением да не про все разговаривать-то умел; потому она сама из очень простого звания взята.

Зыбкина. Скоро ль ты его найдешь такого!

Филицата. И я то же говорю. Где ты нынче найдешь богатого да неразвязного? Кто его заставит длинный сертук надеть или виски гладко примазать? Вяжет-то человека что? Нужда. А богатый весь развязан и уж, обыкновенно, в цветных брюках... Ничего не поделаешь.

Зыбкина. Уж само собой, что в цветных; потому, Какая ж ему неволя!...

Филицата. Мудрит старуха над женихами, а внучка, между тем временем, влюбилась, да и сохнет сердцем. Кабы у нас знакомство было да вывозили Поликсену почаше в люди, так она бы не была так влюблена; а из тюрьмы-то первому встречному рад: понравится и сатана лучше ясного сокола.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Зыбкина. Одного я понять не могу: в этакой крепости сидючи, за пятью замками, за  
семью сторожами, только и свету, что в окне, – как тут влюбиться? Мечтай сколько  
хочешь, а живого-то нет ничего. Ведь чтоб влюбиться очень-то, все-таки и  
видеться нужно, и поговорить хоть немножко.

Филицата. Ох, все это было, и не немножко. Разумеется, завсегда в этом мы,  
няньки, виноваты, мы – баловницы-то. Да ведь как и не побаловать! Вижу, в тоске  
томится – пусть, мол, поболтает с парнем для времяпровождения. А случай как не  
найти? Хоть сюда в сад проведу, никому и в лоб не влетит. А вот оно что  
вышло-то.

Зыбкина. Очень разве уж полюбила-то?

Филицата. До страсти полюбила. Сама суди: характер огневой, упорная, вся в  
бабушку. Вдруг ей придет фантазия; хочу, говорит, его видеть беспременно! А в  
другой раз никак нельзя, а ей вынь да положь, – вот и вертись нянька как знаешь,  
И день и ночь ноги трясутся, так вот и жду, так вот и жду, что до бабушки  
дойдет; куда мне тогда деваться-то? А моя ль вина, я давно твержу: «Пора, пора,  
что вы ее переращиваете, куда бережете?» Так бабушка-то у нас совсем  
состарилась, девичье-то положение понимать перестала. Я, говорит, живу же, ни об  
чем помышления не имею. На-ка! В семьдесят-то лет! А ты свою молодость вспомни!

Зыбкина. Диковинное дело, что у такого богатого, знаменитого купца дочь  
засиделась.

Филицата. Какой он богатый, какой знаменитый? Бабушка характерна, а он балалайка  
бесструнная, – никакого толку и не жди от них. Старуха-то богата, а у него  
своего ничего нет, он торгует от нее по доверенности, – дана ему небольшая; во  
сколько тысяч, уж не знаю. Да и то старуха за него каждый год приплачивает.

Зыбкина. Что ж им за радость в убыток торговать?

Филицата. Бабушка так рассуждает: хоть и в убыток, все-таки ему занятие; нарушь  
торговлю, при чем же он останется. Да уж морщится сама-то, видно, тяжело  
становится; а он, что дальше, то больше понятие терять начинает. Приказчик есть  
у нас, Никандра, такой-то химик, так волком и смотрит; путает хозяина-то еще  
пуще, от дела отводит, – где хозяину убыток, а ему барыш. Слышим мы, на  
стороне-то так деньгами и пошвыривает, а пришел в одном сертучишке.

Зыбкина. Знаю я все это, – сын мне сказывал.

Филицата. Ты за каким делом к хозяину-то пришла?

Зыбкина. Все об сыне. Да занят, говорят, хозяин-то, подождать велели. Взять я  
сына-то хочу, да опять беда, долг меня путает. Как поставила я его к вам на  
место, так хозяин мне вперед двести рублей денег дал, – нужда была у меня  
крайняя. И взял хозяин-то с меня вексель, чтоб сын заживал. Да вот горе-то мое,  
нигде Платоша ужиться не может.

Филицата. Отчего бы так? Кажется, он парень смиренный.

Зыбкина. Такой уж от рождения. Ты помнишь, когда он родился-то? В этот год дела  
наши расстроились, из богатства мы пришли в бедность, муж долго содержался за  
долги, а потом и помер, сколько горя-то было у меня! Вот, должно быть, на  
ребенка-то и подействовало, и вышел он с повреждением в уме.

Филицата. Какого же роду повреждение у него?

Зыбкина. Все он, как младенец, всем правду в глаза говорит.

Филицата. В совершенный-то смысл не входит?

Зыбкина. Говорит очень прямо, ну, значит, ничего себе в жизни составить и не  
может. Учился он хоть на медные деньги, а хорошо, и конторскую науку он всю  
понял; учителя все его любили и похвальные листы ему давали – и теперь у меня в  
рамках на стенке висят. Ну, конечно, вся кому мило в ребенке откровенность  
видеть, а он и вырос, да такой же остался. Учатся бедные люди для того, чтоб  
звание иметь да место получить; а он чему учился-то, все это за правду принял,

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru) всему этому поверил. А по-нашему, матушка, по-купечески: учись, как знаешь, хоть с неба звезды хватай, а живи не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено.

Филицата. Что же ему у нас-то не живется?

Зыбкина. Да нельзя, матушка. Поступил он к вам в контору булгахтером, стал в дела вникать и видит, что хозяина обманывают; ему бы уж молчать, а он разговаривать стал. Ну, и что же с ним сделали! Начали все над ним смеяться, шутки да озорства делать, особенно Никандра; хозяину сказали, что он дела не смыслит, книги путает, – оттерли его от должности и поставили шутом. (Оглядываясь.) Какой у вас сад распрекрасный!

Филицата. Сама старуха за всем наблюдает; и сохрани бог, коли кто хоть одно яблоко тронет. А куда бережет? Ведь не торговать ими. Ужо, к вечеру, я пойду со двора, так занесу тебе десяток либо два.

Зыбкина. Спасибо.

Филицата. Надо мне сходить по нашему-то делу; колдуна я нашла.

Зыбкина. Ужели колдуна?

Филицата. Колодун не колдун, а слово знает. Не поможет ли он моей Поликсене? Все его в Москве не было, увидала я его третьего дня, как обрадовалась!

Входит Глеб, крутя в зубах веревку из мочалы.

#### ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филицата, Зыбкина, Глеб.

Филицата. Меркулыч, ты мешок-то с яблоками убрал бы куда подальше; а то в кустах-то его видно. Сама пойдет да заметит, сохрани господи!

Глеб. Прибрано.

Филицата. То-то же.

Глеб. А ты почем знаешь, что он с яблоками? Может, там у меня жемчуг насыпан?

Филицата. Не жемчуг, видела я.

Глеб. Понюхала. Эко у вас любопытство! Ну уж!

Филицата. Тебя же берегу, Меркулыч.

Глеб. Не надо, я сам себя берегу. Кабы в сад, кроме меня да хозяев, никому ходу не было, ну, был бы я виноват; а то всякий ходит, значит с меня взыскивать нечего.

Филицата. Толкуй с тобой! Кому нужны ваши яблоки? Хоть и сшалит кто, ну десяток, много два во все лето, а ты мешками таскаешь.

Глеб. Я виноват не останусь, ты не сумлевайся!

Филицата. Да мне что.

Зыбкина. Заходи ко мне, как пойдешь к колдуну-то!

Филицата. Да уж пойду; там что ни выдет, а попробую я эту ворожбу. Вон, никак, сама идет, пойдем за ворота, постоим, потолкуем. (Уходят.)

Глеб. Я себе оправдание найду.

Входят: Мавра Тарасовна и Поликсена, Глеб отходит к стороне и подвязывает сук у дерева.

### ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мавра Тарасовна, Поликсена, Глеб.

Мавра Тарасовна. Нет уж, миленькая моя, что я захочу, так и будет, – никто, кроме меня, не властен в доме приказывать.

Поликсена. Ну и приказывайте, кто ж вам мешает!

Мавра Тарасовна. И приказываю, миленькая, и все делается по-моему, как я хочу.

Поликсена. Ну, вот прикажите, чтоб солнце не светило, чтоб ночь была.

Мавра Тарасовна. К чему ты эти глупости! Нешто я могу, коли божья воля?...

Поликсена. И много го вы, бабушка, не можете; так только уж очень вы об себе высоко думаете.

Мавра Тарасовна. Что бы я ни думала, а уж знаю я, миленькая, наверно, что ты-то вся в моей власти: что только задумаю, то над тобой и сделаю.

Поликсена. Вы полагаете?

Мавра Тарасовна. Да что мне полагать? Я без положения знаю. Полагайте уж вы, как хотите, а мое дело вам приказы давать, вот что.

Поликсена. Стало быть, вы воображаете, что мое сердце вас послушает: кого прикажете, того и будет любить?

Мавра Тарасовна. Да что такое за любовь? Никакой любви нет, пустое слово выдумали. Где много воли дают, там и любовь проявляется, и вся эта любовь – баловство одно. Покоряйся воле родительской – вот это твое должное; а любовь не есть какая необходимая, и без нее, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебе незачем.

Поликсена. Знали, да забыли.

Мавра Тарасовна. Вот как не знала, что я старуха старая, а мне и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена. Прежде так рассуждали, а теперь уж совсем другие понятия.

Мавра Тарасовна. Ничего не другие, и теперь все одно; потому женская природа все та же осталась; какая была, такая и есть, никакой в ней перемены нет, ну и порядок все тот же: прежде вам воли не давали, стерегли да берегли, – и теперь умные родители стерегут да берегут.

Поликсена (смеясь). Ну, и берегите, да только хорошенъко!... (Отходит к стороне.)

Мавра Тарасовна (Глебу). Вижу я, Меркульч, что тебе у нас жить надоело, – больно хорошо место, не по тебе. Так ищи себе такого, где от вас дела не спрашивают, за пропажу не взыскивают! Оглянись хорошенъко, что у нас в саду-то! Где ж яблоки-то? Точно Мамай с своей силой прошел; много ль их осталось?

Глеб. Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это правда ваша; у вас глаз на это верный, золотой глаз, – убыль есть, это так точно.

Поликсена (смеясь). Яблоков уберечь не можете, а хотите...

Мавра Тарасовна. Погоди, Глеб, постой! до тебя очередь после дойдет. (Медленно подходит к Поликсене.) Это ты что же, миленькая, с кем так разговариваешь?

Поликсена. Сама про себя. Да я уж и забыла, что сказала.

Мавра Тарасовна. Ты не огорчайся, что ты позабыла; я запомню. Будешь ты сидеть дома под замком вплоть до свадьбы.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Поликсена. До какой свадьбы?

Мавра Тарасовна. А вот когда я найду тебе, миленькая, жениха по своей мысли.

Поликсена. А коли найдете по своей мысли, так сами за него и выходите, а мне какая надобность.

Мавра Тарасовна. Уж извини, надобностей твоих мы разбирать не станем, а отдадим за кого нам нужно.

Поликсена. Утешайтесь в мыслях-то, утешайтесь!

Мавра Тарасовна. Да не то что в мыслях, а и на деле будет то самое. Знаю я это твердо и так-то покойна, как нельзя быть лучше.

Поликсена. Бывает, что и бегают из дома-то.

Мавра Тарасовна. Бегают, у кого привязки нет.

Поликсена. А меня что удержит?

Мавра Тарасовна. Приданое богатое. Пожалеешь его, миленькая, не бросишь. Да вот что: уж очень ты разговорилась, – а птица ты еще не велика, и не пристало мне с тобой много разговорных слов говорить. Есть у тебя охота, так болтай с нянькой. На то она в доме, чтоб твои глупости слушать, за то ей и жалованье платят. Ты грезишь, словно к зубам, а она поддакивает, – вот вам и занятие, – будто дело делаете. Мне распорядок в доме вести, а не балясы с вами точить. А ты мне убегом не грози! Коли замки у нас старые плохи, так слесаря нам по знакомству новые сделаю, покрепче.

Поликсена. И вы мне, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивеет, кто захочет из нее вырваться, тот себе дорогу найдет.

Мавра Тарасовна. Куда это, не слыхать ли?

Поликсена (на ухо бабушке). В могилу. (Уходит.)

Мавра Тарасовна (вслед ей). Ну, миленькая, не вдруг-то туда сберешься, подумаешь прежде.

#### ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мавра Тарасовна, Глеб.

Мавра Тарасовна. Где же, Меркульч, яблоки-то?

Глеб. Яблоки? Это точно, как я теперь замечаю, их бы надо больше быть, – умаление есть.

Мавра Тарасовна. Да от чего умаление-то?

Глеб. Вот что, сударыня, Мавра Тарасовна: я их стеречь приставлен...

Мавра Тарасовна. Ну да, ты; я с тебя и спрашиваю.

Глеб. Позвольте! Я их стеречь приставлен, так вы себя успокойте, я вам вора предоставлю.

Мавра Тарасовна. Давно б тебе догадаться. Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, так не скоро найдешь; не поискать ли нам самим поближе?

Глеб. Я вам вора предоставлю; потому мне тоже слушать такие слова от вас – ой-ой!

Мавра Тарасовна. Напраслину терпишь, миленький, задаром обидели?

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyalexander.ru](http://ostrovskyalexander.ru)  
Глеб. Что угодно говорите, на все ваша воля... А только я вам вот что скажу: нам  
без ундера никак нельзя.

Мавра Тарасовна. Какого, миленький, ундера, на что он нам?

Глеб. У ворот поставить. Сторожка у нас новая построена, вот он тут и должен  
существовать.

Мавра Тарасовна. У нас дворники есть.

Глеб. Ну, что дворники! Мужики – одно слово.

Мавра Тарасовна. Ундер ундером, это наше дело; а я с тобой об яблоках толкую.

Глеб. Да ундер для всего лучше, особливо если с кавалерией. Кто идет – он  
опрашивает: к кому, зачем; кто выходит – он осмотрит, не несет ли чего из дома.  
Как можно! Первое дело – порядок, второе дело – вид. Купеческий дом, богатый, да  
нет унdera у ворот – это что ж такое!

Мавра Тарасовна. Ундра, это правда, для всякой осторожности... Я прикажу  
поискать.

Глеб. А вора, вы не беспокойтесь, я вам найду, я его устерегу. Не для вас, а для  
себя постараюсь, потому этот вор должен меня оправдать перед вами. Вам обидно, я  
вижу, вижу; но, однако, и мне... такое огорчение... это хоть кому...

Мавра Тарасовна. Ты с огорчения-то, пожалуй...

Глеб. Ну уж не знаю, перенесу ли. Я вам наперед докладываю. Вон хозяин в сад  
вышел. (Уходит.)

Входят Барабошев и Мухояров.

#### ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мавра Тарасовна, Барабошев, Мухояров.

Мухояров (Барабошеву). Давно я вас приглашаю: пожалуйте в контору; потому –  
хозяйский глаз... без него невозможно...

Барабошев. Не в расположении. (Матери.) Маменька, я расстроен. (Мухоярову.) Мне  
теперь нужен покой... Понимай! Одно слово, и довольно. (Матери.) Маменька, я  
сегодня расстроен.

Мавра Тарасовна. Уж слышала, миленький, что дальше-то будет?

Барабошев. Все так и будет, в этом направлении. Я не в себе.

Мавра Тарасовна. Ну мне до этих твоих меланхолиев нужды мало; потому ведь не  
божеское какое попущение, а за свои деньги, в погребке или в трактире,  
расстройство-то себе покупаете.

Барабошев. Верно... Но при всем том и обида.

Мавра Тарасовна. Так вот ты слушай, Амос Панфилыч, что тебе мать говорит!

Барабошев. Могу.

Мавра Тарасовна. Нельзя же, миленький, уж весь-то разум пропивать; надо  
что-нибудь, хоть немножко, и для дому поберечь.

Барабошев. Я так себя чувствую, что разуму у меня для дому достаточно.

Мавра Тарасовна. Нет, миленький, мало. У тебя и в помышления нет, что дочь –  
невеста, что я к тебе третий год об женихах пристаю.

Барабошев. Аккурат напротив того, как вы рассуждаете, потому как я постоянно  
Страница 6

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru) содержит это на уме.

Мавра Тарасовна. Да что их на уме-то содержать, ты нам-то их давай.

Барабошев. Через этих-то самых женихов я себе расстройство и получил. Вы непременно желаете для своей внучкиnegoцианта?

Мавра Тарасовна. Какогоnegoцианта! Так, купца попроще.

Барабошев. Все одно –negoцианты разные бывают: полированные и не полированные. Вам нужно черновой отделки, без политуры и без шику, физиономия опойковая, борода клином, старого пошибу, суждального письма? Точно такогоnegoцианта я в предмете и имел, но на деле вышел конфуз.

Мавра Тарасовна. Почему же так, миленький?

Барабошев. Извольте, маменька, понимать, я сейчас вам буду докладывать. Сосед, Пустоплесов, тоже дочери жениха ищет.

Мавра Тарасовна. Знаю, миленький.

Барабошев. Стало быть, нам нужно ту осторожность иметь, чтобы себя против него не уронить. Спрашиваю я его: «Кого имеете в предмете?» – «Фабриканта», – говорит. Я думаю: «Значит, дело бровень, ушибить ему нас нечем?» Только по времени слышу от него совсем другой тон. Намедни сидим с ним в трактире, пьем мадеру, потом пьем лафт «Шато ля роз», новый сорт, мягчит грудь и приятные мысли производит. Только опять зашла речь об этих женихах-мануфактуристах. «Вы, говорит, отдавайте, дело хорошее, вам такого и надо; а я раздумал». – «Почему?» – спрашиваю. «А вот увидишь», – говорит. Только вчера встречаю его, едет в коляске сам-друг, кланяется довольно гордо и показывает мне глазом на своего компанию. Гляжу – полковник в лучшем виде и при всем параде.

Мухояров. Однако плюха.

Мавра Тарасовна. Ай, ай, миленький!

Барабошев. Как я на ногах устоял, не знаю. Что я вина выпил с огорчения! «Шато ля роз» не действует, а от мадеры еще пуще в жар кидает... Велите-ка, маменька, дать холодненького.

Мавра Тарасовна. Прохладиться-то, миленький, еще успеешь... Видела я, сама видела, что к ним военный подъезжал. Как же нам думать с Поликсеной-то?

Барабошев. Ты скажи, маменька, обида это или нет!

Мавра Тарасовна. Ну, как не обида? Само собой, обида.

Барабошев. Поклонился да глазами-то так скосил на полковника – на-ка, мол, Барабошев, почувствуй!

Мавра Тарасовна. Ведь зарезал, миленький, зарезал он нас.

Мухояров. Он теперь в мыслях-то подобно как на колокольне, а вы с грязью бровень-с.

Мавра Тарасовна. Но до этого случая ему возноситься над нами было нечем, Амос Панфилыч ни в чем ему переду не давал.

Барабошев. И теперь не дадим. Раскошеливайся, маменька, камуфлет изготовим.

Мавра Тарасовна. да какой такой камуфлет?

Барабошев. К ним в семь часов господин полковник наезжает, и все они за полчаса ждут у окон, во все глаза смотрят, – и сейчас – без четверти семь, – подъезжает к нашему крыльцу генерал. Вот мы им глазами-то и покажем.

Мухояров. Закуска важная! Сто твоих помирал, да пятьсот в гору.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Мавра Тарасовна. Да где ж ты, миленький, генерала возьмешь?

Барабошев. В образованных столицах, где живут люди просвещенные, там на всякое дело можно мастера найти. Ежели вам нужно гуся, вы едете в Охотный ряд, а ежели нужно жениха...

Мавра Тарасовна. Ну, само собой, к свахам.

Барабошев. К этому самому сословию мы и обращались и нашли настоящую своему делу художницу. Никандра, как она себя рекомендовала?

Мухояров. «Только птичьего молока от меня не спрашивайте; потому негде взять его; а то нет того на свете, чего бы я за деньги не сделала».

Барабошев. Одно слово, баба орел, из себя королева, одевается в бархат, ходит отважно, говорит с жаром, так даже, что крылья у чепчика трясутся, точно он куда лететь хочет.

Мавра Тарасовна. И тебе не страшно будет, миленький, с генералом-то разговаривать?

Барабошев. У меня разговор свободный, точно что льется, без всякой задержки и против кого угодно. Такое мне дарование дано от бога разговаривать, что даже все удивляются. По разговору мне бы давно надо в думе гласным быть или головой; только у меня в уме суждения нет и что к чему – этого мне не дано. А обыкновенный разговор, кроме сурьезного, у меня все равно что бисер.

Мавра Тарасовна. У тебя есть дарование, а мне-то как, миленький?

Барабошев. И вы так точно, под меня подражайте!

Мавра Тарасовна. А денег-то сколько нужно, как это генералу полагается?

Барабошев. Деньги все те же; но лучше отдать их вельможе, чем суконному рылу.

Мавра Тарасовна. Да шутишь ты, миленький, или вправду?

Барабошев. Завтрашнего числа развязка всему будет: придет сваха с ответом; и тогда у нас рассуждение будет, какой генералу прием сделать.

Мавра Тарасовна. Нам хоть кого принять не стыдно, дом как стеклышко.

Барабошев. Об винах надо будет заняться основательно, сделать выборку из прейскурантов.

Мавра Тарасовна. Да, вот еще, не забыть бы: нужно нам ун더라 к воротам для всякого порядку; а теперь, при таком случае, оно и кстати.

Барабошев. Это дело самое настоящее, я об унделе давно воображал.

Мавра Тарасовна. Так я велю поискать, нет ли у кого из прислуги знакомого.  
(Уходит.)

Входит Зыбкина.

#### ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Барабошев, Мухояров, Зыбкина.

Зыбкина (кланяясь). Я к вам, Амос Панфилыч.

Барабошев. Оченно вижу-с. Чем могу служить? Приказывайте!

Зыбкина. Наше дело – кланяться, а не приказывать. Насчет сынка.

Барабошев. Что же будет вам угодно?

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Зыбкина. Коли он к вашему делу не нужен, так вы его лучше отпустите!

Барабошев. В хорошем хозяйстве ничего не бросают; потому всякая дрянь пригодиться может.

Зыбкина. Да что ж ему у вас болтаться; он в другом месте при деле может быть.

Барабошев. И сейчас при должности находится, он у нас заместо Балакирева.

Зыбкина. Он должен свое дело делать, чему обучен; ему стыдно в такой должности быть.

Барабошев. А коли это звание для него низко, мы его можем уволить. Сам плакать об нем не буду и другим не прикажу.

Зыбкина. Так уж сделайте одолжение, отпустите его!

Барабошев. Я против закону удерживать его не могу, потому всякий человек свою волю имеет. Но из вашего разговору я заключаю так, что вы деньги принесли по вашему документу.

Зыбкина. Уж деньги-то я вас покорно прошу подождать.

Барабошев. Да-с, это, по-нашему, пустой разговор называется. Разговаривать нужно тогда, когда в руках есть что-нибудь; а у вас нет ничего, значит, все ваши слова только одно мечтание. Но мечтать вы можете сами с собой, и я вас прошу своими мечтами меня не беспокоить. У нас, коммерсантов, время даже дороже денег считается. Затем до приятного свидания (кланяется), и потрудитесь быть здоровы! (Мухоярову.) Никандра, какие у нас дела по конторе спешные?

Мухояров. Задержка в корреспонденции; побудительные письма нужно подписать; потому платежи в большом застое.

Барабошев. Скажи Платону Иванову Зыбкину, чтобы он все, что экстренное, сюда принес.

Мухояров уходит.

Зыбкина. Я одного боюсь, Амос Панфилыч, как бы он на ваши шутки вам не согрубил, пожалуй, что обидное скажет.

Барабошев. Никак не может; потому обида только от равного считается. Мы над кем шутим, так даже и ругаться дозволяем; это для нас одно удовольствие.

Зыбкина. Нечего делать, надо будет денег искать.

Барабошев. Сделайте одолжение! И ежели где очень много найдете, так покажите и нам, и мы в оном месте искать будем. Честь имею кланяться.

Зыбкина уходит. Входят: Мухояров и Платон Зыбкин, в руках у него письма и чернильница с пером.

#### ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Барабошев, Мухояров, Зыбкин.

Барабошев. Корреспонденция?

Платон. Совершенно справедливо-с. (Кладет письма на столик и ставит чернильницу.)

Барабошев. А сколько писем? чтоб не было мне утомления...

Платон. Подпишете без утомления; потому только пять.

Барабошев (шутя). Почему, братец, нечетка? Как ты неаккуратен.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Мухояров. Сколько чего, вы его не спрашивайте; он в счете сбивчивость имеет.

Платон. Нет, я счет твердо знаю и тебя поучу.

Мухояров. Извольте подписывать, после сосчитаем. (Подкладывает еще письмо и делает знак Барабошеву.)

Барабошев (подписывая). Я пять подписал, а вот еще. (Берет письмо, которое положил Мухояров.)

Мухояров. Я говорю, что счету не знает-с.

Платон. Моих пять, а шестого я не знаю-с.

Барабошев. Кто же из нас кого обманывает? Чья это рука?

Мухояров. Его-с. А ты, Платон, не отпирайся, нехорошо.

Платон (подходя). Позвольте! Я свою руку знаю. (Смотрит на письмо, потом с испугом хватается за карман.) Это письмо у меня украли... Оно сюда не принадлежит... Пожалуйте! Это я сам про себя... Это мое сочинение. (Хочет взять письмо.)

Барабошев. Осади назад, осади назад! Ты мне сам его подал, значит, я вправе делать с ним что хочу.

Платон. Позвольте, позвольте! Что я вам скажу.. вы, может, не знаете.. Да ведь это неблагородно, это довольно даже низко, Амос Панфилыч, чужие письма читать.

Барабошев. Что для меня благородно, что низко, я сам знаю: ни в учителя, ни в гувернери я тебя не нанимал. Не пристань ты ко мне, я б твою литературу бросил, потому, окромя глупости, ты ничего не напишешь; а теперь ты меня заинтересовал, пойми!

Платон. Амос Панфилыч, ну имейте сколько-нибудь снисхождения к людям!

Барабошев. Стало быть, это тебе будет неприятно?

Платон. Да не то что неприятно, а для чувствительного человека это подобно казни, когда над его чувствами смеются.

Барабошев. А ты разве чувствительный человек? Мы, братец, этого до сих пор не знали. Сейчас мы вставим двойные стекла (надевает пенсне) и будем разбирать твои чувства.

Платон (отходя). В пустой чердак двойных стекол не вставляют.

Барабошев. Вы полагаете, что в пустой?

Платон. Да уж это так точно. (Хватаясь за голову.) Но за что же, боже мой, такое надругательство?

Барабошев. А вот за эти ваши каламбуры.

Мухояров. И за два года вперед зачти!

Барабошев. По вашим заслугам надо бы вам еще по затылку награждение сделать...

Платон. Что же, деритесь! Все это вы можете, и драться и чужие письма читать; но при всем том мне вас жалко, очень мне вас жалко, да-с.

Барабошев. Отчего ж это такая подобная скорбь у вас?

Платон. Оттого что вы купец богатый, известный, а такие ваши поступки, и даже хотите драться...

Барабошев. Так что же-с?

Платон. А то, что это есть верх необразования и подлость в высшей степени.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Входит Мавра Тарасовна, за ней Филицата и Поликсена, которые останавливаются в кустах.

#### ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Барабошев, Мухояров, Платон, Мавра Тарасовна, Филицата, Поликсена.

Барабошев. Пожалуйте, маменька! Очень вы кстати, сейчас мы вам развлечения доставим, будем читать сочинение господина Зыбкина.

Мавра Тарасовна садится. Поликсена прислушивается из кустов.

Платон. Вот уж благодарю, вот уж покорно вас благодарю! Куда как благородно!

Барабошев (читает). «Красота несравненная и душа души моей». Важно! Ай да Зыбкин.

Платон. Эх! Как это довольно подло, что вы делаете!

Барабошев (читает). «Любить и страдать, вот что мне судьба велела. Нельзя открыть душу, нельзя показать чувства – невежество осмеет тебя и растерзает твое сердце. Люди необразованные имеют о себе высокое мнение только для того, чтобы иметь высокое давление над нами бедными. Итак, я должен молчать и в молчании томиться».

Мавра Тарасовна (сыну). Что ж это, миленький, такое написано?

Барабошев. Любовное письмо от кавалера к барышне.

Мавра Тарасовна. Какой же это кавалер?

Барабошев. А вот рекомендую: чувствительный человек и несостоятельный должник! Он должен мне по векселю двести рублей, на платеж денег не имеет и от этого самого впал в нежные чувства.

Мавра Тарасовна. К кому же это он, любопытно бы...

Барабошев. И даже очень любопытно. (Платону.) Слышишь, Зыбкин: нам с маменькой любопытно знать твой предмет, так потрудись объяснить, братец.

Платон. Мало ли кому что любопытно! Нет уж, будет с вас. Я так, про себя писал.

Мухояров. Да ты тень-то не наводи, говори прямо!

Мавра Тарасовна. Скажи, миленький! Вот и посмеемся все вместе, все-таки забава.

Платон. Умру, не скажу.

Барабошев. Он сейчас, маменька, скажет, у меня есть на него талисман. (Вынимает вексель.) Видишь свой документ? Коли скажешь, год буду деньги ждать.

Платон. Да невозможно. Смейтесь надо мной одним, чего вам еще нужно?

Мухояров. Как есть храбрый лыцарь, но, при всем том, без понятия к жизни.

Барабошев. Мало тебе этого? Ну, изорву, коли скажешь.

Платон. Жилы из меня тяните – не скажу.

Барабошев. Ну так пеняй на себя! Сейчас пишу уплату, двадцать пять рублей тебе за месяц. Ставлю бланк, без обороту на меня. (Пишет на векселе.) Передаю вексель доверенному моему. (Отдает вексель Мухоярову.) Видишь?

Платон. Что ж, ваша воля, отдавайте кому хотите.

Барабошев (Мухоярову). Завтра же представь вексель, получи исполнительный лист и

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru) (показывая на Зыбкина) опусти его в яму.

Платон (с испугом). Как, в яму, зачем? Я молодой человек, помилуйте, мне надо работать, маменьку кормить.

Барабошев. Ничего, братец, посиди, там не скучно; мы тебя навещать будем.

Мавра Тарасовна. Да, миленький, в богатстве-то живя, мы бога совсем забыли, нищей братии мало помогаем; а тут будет в заключении свой человек, все-таки вспомнишь к празднику, завезешь калачика, то, другое – на душё-то и легче.

Барабошев. Покорись, братец!

Платон (опустив голову). Ну, в яму, так в яму! Но только я теперь ожесточился.

Мавра Тарасовна. Какой ты, миленький, глупый! Двести рублей для вас велики деньги, хоть бы мать-то пожалел.

Платон. Ах, уж не мучьте меня!

Мавра Тарасовна. Ведь так, чай, какая-нибудь полоумная либо мещанка забвенная. Хорошая девушка, из богатого семейства, тебя не полюбит; ну, что ты за человек на белом свете!

Платон. Ничем я не хуже вас, вот что! Я молодой человек, наружность мою одобряют, за свое образование я личный почетный гражданин.

Мухояров. Нет, не личный – а ты лишний почетный гражданин.

Барабошев. Вот это верно, что ты лишний.

Платон. Нет, вы лишние-то, а я нужный, я ученый человек, могу быть полезен обществу. Я патриот в душе и на деле могу доказать.

Барабошев. Какой ты можешь быть патриот? Ты не смеешь и произносить... потому это высоко и не тебе понимать.

Платон. Понимаю, очень хорошо понимаю. Всякий человек, что большой, что маленький, – это все одно, если он живет по правде, как следует, хорошо, честно, благородно, делает свое дело себе и другим на пользу, – вот он и патриот своего отечества. А кто проживает только готовое, ума и образования не понимает; действует только по своему невежеству, с обидой и с насмешкой над человечеством, и только себе на потеху, тот мерзавец своей жизни.

Барабошев. А как ты обо мне понимаешь? Ежели я ни то, ни другое и, промежду всего этого, хочу быть сам по себе?

Платон. Да уж нельзя, только два сорта и есть, податься некуда: либо патриот своего отечества, либо мерзавец своей жизни.

Барабошев. В таком случае поди вон и ожидай себе по заслугам.

Мухояров. А вот он у меня другую песню запоет.

Платон. Всю жизнь буду эту песню петь, другой никто меня не заставит.

Барабошев. Однако у меня от этих глупых прениев в горле пересохло. Маменька, попотчуйте холодненьким, не заставьте умереть от жажды!

Мавра Тарасовна. Пойдем, миленький, и я с тобою выпью. Какое это вино расчудесное, ежели его пить с разумом.

Платон. Прощайте, бабушка.

Мавра Тарасовна. Прощай, внучек! бабушка я, да только не тебе.

Барабошев. Господин Зыбкин, до свидания у Воскресенских ворот! (Мухоярову.) Проводи его честь честью!

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Платон. Чему вы рады? Кого вы гоните? Разве вы меня гоните? Вы правду от себя гоните, вот что!

Уходит, за ним Мухояров, Мавра Тарасовна и Барабошев. Из кустов выходят Поликсена и Филицата.

#### ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Поликсена, Филицата.

Поликсена. Няня, няня, Филицата!

Филицата (не слушая). Ай, что он тут наделал-то, что натворил! На-ка, хозяевам в глаза так прямо.

Поликсена. Филицата, да слушай ты меня!

Филицата. Ну, что, что тебе?

Поликсена. Чтобы ночью, когда все уснут, он был здесь в саду! Слышишь ты, слышишь? Непременно.

Филицата. Что ты, что ты, опомнись! Тебя хотят за енарала отдавать, а ты ишь что придумываешь?...

Поликсена. Я тебе говорю, чтобы он был здесь ночью! И ничего слышать не хочу, – ты меня знаешь.

Филицата. Что ты об своей голове думаешь? На что он тебе? Он тебе совсем не под кадрель. Ну, хоть будь он какой советник, а то люди говорят, что он какой-то лишний на белом свете.

Поликсена. Так ты не хочешь? Говори прямо: не хочешь!

Филицата. Да с какой стати, и с чем это сообразно, коли тебя за енарала...

Поликсена (доставая деньги). Так вот что: поди, купи мне мышьяку!

Филицата. Ай, батюшки! Ай, что ты, греховодница!

Поликсена (отдавая деньги). Купи мне мышьяку! А если не купишь, я сама пойду. (Уходит.)

Филицата. Ай, погибаю, погибаю! Вот когда моей головушке мат пришел.

#### ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ ЛИЦА:

Зыбкина.

Платон.

Мухояров.

Филицата.

Сила Ерофеич Грознов, отставной унтер-офицер, лет 70-ти, в новом очень широком мундире старой формы, вся грудь увешана медалями, на рукавах нашивки, фуражка теплая.

Бедная, маленькая комната в квартире Зыбкиной. В глубине дверь в кухню, у задней стены диван, над ним повешены в рамках школьные похвальные листы, налево окно, направо шкафчик, подле него обеденный стол; стулья простой, топорной работы. На столе тарелка с яблоками.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зыбкина (сидит у окна), входит Платон.

Платон (садится утомленный). Готово. Теперь чист молодец, все заложил, что только можно было. Семи рублей не хватает, так еще часишк осталось.

Зыбкина. А как жить-то будем?

Платон. А как птицы живут? у них денег нет. Только бы долг-то отдать, а то руки развязаны. Вот деньги-то. (Подает Зыбкиной деньги.) Приберите! Завтра снесем.

Зыбкина. А как жалко-то; столько денег в руках, и вдруг их нет.

Платон. Да ведь нечего делать: и плачешь, да отдаешь.

Зыбкина. Уж это первое дело – долг отдать, петлю с шеи скинуть, – последнего не пожалеешь. Бедно, голо, да зато совесть покойна, сердце на месте.

Платон. Как это, маменька, приятно, что у нас с вами мысли одинакие.

Зыбкина. А ты думаешь, ты один честный-то человек. Нет, и я понимаю, что коли брал, так отдать надо. Просто уж это очень.

Платон. А как я давеча этой ямы испугался.

Зыбкина. Ну вот! да разве я допущу? Я последнее платье продам. Мухояров за тобой из трактира присыпал, дело какое-то есть.

Платон. Надо идти, у него знакомства много, работы не достану ли через него.

Зыбкина. Поди. Убытку не будет, дома-то делать нечего.

Платон уходит.

Перечесть деньги-то да в комод запереть. (Считает деньги и запирает в шкафчик.)

Входит Филицата.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Зыбкина, Филицата.

Филицата. Снова здорово, соседушка!

Зыбкина. Здравствуй, Филицатушка! Садись! Как дела-то: по-прежнему, аль что новое есть?

Филицата. Ох, уж и не говори! Голова кругом идет.

Зыбкина. Была у колдуна-то?

Филицата. Была. До утра ворожбу-то отложили; уж завтра натощак, что бог даст; а теперь другая забота у меня. Вот видишь ли: хозяева наши хотят ун더라 на дворе иметь, у ворот поставить.

Зыбкина. Что ж, дело хорошее, при большом доме не лишнее.

Филицата. Вот я и ездила за ним, у меня знакомый есть; да куда ездила-то! В Преображенское. Привезла было его с собой, да не вовремя: видишь, дело-то к ночи, теперь хозяевам доложить нельзя, забранятся, что безо времени беспокоят их; а до утра чужого человека в доме оставить не смеем.

Зыбкина. Так вели ему завтра пораньше явиться, а теперь пусть домой идет.

Филицата. Что ты, что ты! Уж куда ему назад плестись да завтра опять даль колесить! Я его и сюда-то, в один конец, насилиу довезла, боялась, что дорогой-то

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru) развалится.

Зыбкина. Старенький?

Филицата. Ветхий старичок.

Зыбкина. Так на что ж вам такого?

Филицата. Да что ж у нас работа, что ль, какая! У ворот-то сидеть трудность не велика. У нас два дворника, а его только для порядку; он кандидат, на линии офицера, весь в медалях, – вахмистр, как следует. Состарился, так уж это не его вина; лета подошли преклонные, ну и ослаб; а все ж таки своего геройства не теряет.

Зыбкина. Где ж он у тебя?

Филицата. У калитки на лавочке сидит, отдыхает: растряслось, никак раздышаться не может. Так вот я тебя и хочу просить: приюти ты его до утра, он человек смиренный, солидный.

Зыбкина. Что ж, ничего, пусть ночует; за постой не возьму.

Филицата. Смиренный он, смиренный, ты не беспокойся! А уж я тебе за это сама послужу. Дай ему поглодать чего-нибудь, а уснет, где пришлось, – солдатская кость, к перинам не привычен. (Подходит к окну.) Сила Ерофеич, войдите в комнату! (Зыбкиной.) Сила Ерофеич его зовут-то. Сын-то у тебя где?

Зыбкина. По делу побежал недалеко.

Филицата. А и мне его нужно бы. Ну, да я к тебе еще зайду; далеко ль тут, всего через улицу перебежать. Кстати тебе яблочек кулечек принесу.

Зыбкина. Да у меня и прежние твои еще ведутся. Вот на столе-то.

Филицата. Ну все-таки не лишнее, – когда от скуки пожуешь; у меня ведь не купленные.

Входит Грознов.

### ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Грознов.

Грознов (вытягиваясь во фрунт). Здравия желаю!

Зыбкина. Здравствуйте, Сила Ерофеич!

Филицата. Это моя знакомая, Палагея Григорьевна... Вот вы, Сила Ерофеич, здесь и ночуете.

Грознов. Благодарю покорно.

Зыбкина. Садитесь, Сила Ерофеич!

Грознов садится к столу.

Яблочка не угодно ли?

Грознов (берет яблоко с тарелки). Налив?

Зыбкина. Белый налив, мягкие яблоки.

Грознов. В Курске яблоки-то хороши... Бывало, набьешь целый ранец.

Зыбкина. А дешевы там яблоки?

Грознов. Дешевы, очень дешевы.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Зыбкина. Почем десяток?

Грознов. Ежели в саду, так солдату задаром, а с прочих не знаю; а на рынке тоже не покупал.

Зыбкина. Да, уж это на что дешевле!

Филицата. Ну, мне пора домой бежать. (Подходит к Грознову.) Вот что, Сила Ерофеич: чтоб вас завтра скорей в дом-то к нам допустили, вы, отдохнувши, сегодня же понаведайтесь к воротам. У нас всегда либо дворник, либо кучер, либо садовник у ворот сидят; поговорите с ними, позовите их в трактир, попотчуйте хорошенъко. Своих-то денег вам тратить не к чему, да вы и не любите, я знаю; так вот вам на угожение! (дает рублевую бумажку.)

Грознов. Это хорошо, хорошо. Я так и сделаю, я люблю в компании-то, – особенно ежели на чужие-то...

Филицата. А завтра, когда придете, скажите, что мой родственник; вас прямо ко мне наверх и проводят задним крыльцом.

Грознов. Я скажу, кум. Я все, бывало, так-то и смолоду: когда нужно повидать либо вызвать кого, так кумом сказывался, хе-хе-хе.

Филицата. Значит, вас учить нечего.

Грознов. Что ученого учить! Тоже ведь ходок был.

Зыбкина. Да вы и сейчас на вид-то не очень чтобы... еще мужчина бравый.

Грознов. Что ж, я еще хоть куда, еще молодец; ну, а уж кумовство все ушло, – прежнего нет, тю-тю!

Филицата. Вот вы и потолкуйте. Вы, Сила Ерофеич, расскажите, в каких вы стражениях стражались, какие страсти-ужасы произошли, каких королей, принцов видели; вот у вас время-то и пройдет. А я через час забегу, сына твоего мне нужно видеть непременно. (Уходит.)

#### ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зыбкина, Грознов.

Зыбкина. И рада бы я вас послушать, – очень я люблю, когда страшное что рассказывают, ну, и про королей, про принцев тоже интересно; да на уме-то у меня не то, свое горе одолело.

Грознов. Я про сражения-то уж плохо и помню, давно ведь это было. Прежде хорошо рассказывал, как Браилов брали, а теперь забыл. Я больше двадцати лет в чистой отставке; после-то все в вахмистрах да в присяжных служил, гербовую бумагу продавал.

Зыбкина. Все у денег, значит, были?

Грознов. Много их через мои руки перешло.

Зыбкина. А мы вот бьемся, так бьемся деньгами-то... Уж как нужны, как нужны!

Грознов. Кому они не нужны! Жить трудно стало: за все деньги плати.

Зыбкина. Жить-то бы можно; а вот долг платить тяжело.

Грознов. Да, платить тяжело; занимать гораздо легче.

Зыбкина. Ну, не скажите! Вот я понабрала деньжонок долг-то отдать, а все еще не хватает, да на прожитие нужно, – рублей тридцать бы признать теперь; а где их возьмешь? У того нет...

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Грознов. А у другого и есть, да не даст. Вот у меня и много, а я не дам.

Зыбкина. Что вы говорите?

Грознов. Говорю: денег много, а не дам.

Зыбкина. Да почему же?

Грознов. Жалко.

Зыбкина. Денег-то?

Грознов. Нет, вас.

Зыбкина. Как же это?

Грознов. Я проценты очень большие беру.

Зыбкина. Скажите! Да на что вам: вы, кажется, человек одинокий.

Грознов. Привычка такая. А вы кому должны?

Зыбкина. Купцу.

Грознов. Богатому?

Зыбкина. Богатому.

Грознов. Так и не платите. Об чем горевать-то! Вот еще! Нужно очень себя разорять.

Зыбкина. Да ведь по векселю.

Грознов. Да что ж за беда, что по векселю. Нет, что вы, помилуйте! И думать нечего! Не платите, да и все тут. А много ли должны-то?

Зыбкина. Да без малого двести рублей.

Грознов. Двести? Ни, ни, ни! Что вы, в уме ли!... Столько денег отдать? Да ни под каким видом не платите!

Зыбкина. Да ведь он документ взял, говорю я вам.

Грознов. Ну, а взял, так что ж ему еще! И пусть его смотрят на документ-то.

Зыбкина. Да ведь посадит сына-то.

Грознов. Куда?

Зыбкина. В яму, к Воскресенским воротам.

Грознов. Что ж, это ничего, пущай посидит, там хорошо... пищу очень хвалят.

Зыбкина. Да ведь срам, помилуйте.

Грознов. Нет, ничего, там и хорошие люди сидят, значительные, компания хорошая. А бедному человеку, так и на что лучше: покойно, квартира теплая, готовая, хлеб все больше пшеничный.

Зыбкина. Это действительно, правда ваша; только жалко, сын ведь.

Грознов. Что его жалеть-то! Посидит да опять домой придет. Деньги-то жальче, они уж не воротятся, запрет их купец в сундук, вот и идите домой ни с чем. А спрятать их подальше да вынимать понемножку на нужду, так на сколько их хватит! Ну, пропади у вас столько денег, что бы вы сказали?

Зыбкина. Сохрани бог! С ума можно сойти.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Грознов. Украдут жалко; а своими руками отдать не жалко. Смешно. Руки-то по  
локоть отрубить надо, которые свое добро отдают.

Зыбкина. Справедливы ваши речи, очень справедливы; а все-таки у меня-то  
сомнение: чужие деньги, взятые, как их не отдать.

Грознов. Да вы разве на сбереженье брали? Коли на сбереженье брали, да они у вас  
целы, – так отдавайте. А я думал, это трудовые. Трудовые-то люди жалеют,  
берегут.

Зыбкина. Так вы не советуете отдавать?

Грознов. Купец от наших денег не разбогатеет; а себя разорите.

Зыбкина. Уж как я вам благодарна. Женский ум, что делать-то, всего не  
сообразишь. А ежели сын требовать будет?

Грознов. А что сын! Сиди, мол, вот и все! Надоест купцу кормовые платить, ну, и  
выпустит, либо к празднику кто выкупит.

Зыбкина. Как это все верно, что вы говорите.

Входят Платони Мухояров. Грознов садится сзади стола у шкафа и жует яблоко.

#### ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Зыбкина, Грознов, Платон, Мухояров.

Мухояров (садится, разваливается и надевает пенсне). Скажите, пожалуйста, я вас  
спрашиваю: ваш сын имеет в себе какой-нибудь рассудок?

Зыбкина. Не знаю, как вам сказать. Кажется, бог не обидел, ну, и учили мы его.

Мухояров. Однако и образования настоящего по бухгалтерской части я не вижу.

Платон. Фальшивые балансы-то тебе писать? Нет, уж это на что же.

Мухояров. Не с вами говорят, а с вашей маменькой. Но я даю ему работу, и очень  
интересную, – баланс стоит сто рублей, я предлагаю полтораста; но он не берет.

Платон. Совести не продам, сказано тебе, и не торгуясь лучше.

Мухояров. Какой же ты бухгалтер! От тебя твоей науки сейчас требуют, а не  
совести; значит, ты не своим товаром торгуешь.

Платон. Да уж будет разговаривать-то! Тысячи рублей не возьму, вот тебе и сказ!

Мухояров. Твоя глупость при тебе, – я спорить не стану. Мы людей найдем.  
(Зыбкиной.) У нас дело вот какого рода: много денег в кассе не хватает, хозяин  
издержал на свои развлечения: так нам требуется баланс так оттушевать, чтобы  
старуха разобрать ничего не могла. (Показывая на Грознова.) Что это у вас за  
орангутант?

Зыбкина. Какой орангутант, помилуйте! Это кавалер. Ваша нянька хочет его к вам в  
ундера поставить. (Грознову, указывая на Платона.) Вот, Сила Ерофеич, сынок-то  
моих, про которого говорили.

Грознов. Парень знатный! (Манил рукой Платона.) Поди-ка сюда поближе.

Платон подходит.

Кто это? (указывая на Мухоярова.)

Платон. Приказчик от Барабошева.

Грознов. О!... А я думал!... (Отворачивается и жует яблоко.)

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Мухояров (вставая). Хорош мужчина.

Грознов. Недурен. А ты как думаешь?

Зыбкина. Он в разных сражениях бывал, королей, императоров и всяких принцев видел.

Мухояров. Врет все, ничего он не видел; за пушкой лежал где-нибудь.

Грознов. Нет, видел.

Мухояров. На картинке?

Грознов (сердится). В натуре.

Мухояров. Которого?

Грознов. Австрицкого, прежнего.

Мухояров. А какой он из себя? Мал, велик, толст, тонок? Вот и не скажешь.

Грознов. Нет, скажу.

Мухояров. А скажешь, так и говори! Вот мы твою правду и узнаем. Ну какой?

Грознов (передразнивая). Какой, какой! Солидный человек, не тебе чета. (Встает.) Ну, я пойду.

Зыбкина. Идите, Сила Ерофеич.

Мухояров. Куда нам такую ветошь? У нас не Матросская богадельня. Разве для потехи?

Грознов. Поживи-ка с мое, так сам в богадельню запросишься, а я еще на своих харчах живу. А у Барабашевых тебя держать станут ли, нет ли, не знаю; а я жить буду. А коли будем жить вместе, не прогонят тебя, так ты мне вот как будешь кланяться. Не больно ты важен, видали почище. (Уходит.)

Мухояров. Я прихожу к вам вроде как благодетель, интересую вас работой; но вы сами не хотите, значит, прощайте! Между прочим сказать – я вам не опекун. (Уходит.)

#### ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Зыбкина, Платон.

Платон. Поняли, маменька?

Зыбкина. Нечего мне понимать, да и незачем.

Платон. Какую штуку-то гнет! Сами обманывать не умеют, так людей нанимают.

Зыбкина. Кого обманывать-то?

Платон. Старуху, Барабашеву старуху. Какую работу нашел, скажите!

Зыбкина. Да ты эту работу умеешь сделать?

Платон. Как не уметь, коли я этому учился.

Зыбкина. Деньги дадут за нее?

Платон. Полтораста посулил.

Зыбкина. Миллионщики мы?

Платон. Мы не миллионщики; но я, маменька, патриот.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Зыбкина. Изверг ты, вот что! (Утирает платком глаза.)

Платон. Об чем вы плачете? Вы должны хвалить меня, я вот последние часики продал.

Зыбкина. Зачем это?

Платон. Чтобы долг заплатить. (достает деньги.) Вот, приложите к тем.

Зыбкина. Нет, оставь у себя, пригодятся. Без денег-то везде плохо.

Платон. Да ведь там не хватает.

Зыбкина. Чего не хватает?

Платон. Долг-то отдать; не все ведь.

Зыбкина. Да уж я раздумала платить-то. Совсем было ты меня с толку сбил; какую глупость сделать хотела! Как это разорить себя...

Платон. Маменька, что вы, что вы!

Зыбкина. Хорошо еще, что нашлись умные люди, отсоветовали. Руки по локоть отрубить, кто трудовые-то отдает.

Платон. Маменька, маменька, да ведь меня в яму, в яму.

Зыбкина. Да, мой друг. Уж поплачу над тобой, да, нечего делать, благословлю тебя, да и отпущу. С благословением моим тебя отпушу, ты не беспокойся!

Платон. Маменька, да ведь с триумфом меня повезут, провожать в десяти экипажах будут, извозчиков найдут, процессию устроят, издеваться станут, только ведь им того и нужно.

Зыбкина. Что ж делать-то! Уж потерпи, пострадай!

Платон. Маменька, да ведь навещать будут, калачи возить – все с насмешкой.

Зыбкина. Мяконький калачик с чаем разве дурно?

Платон. Ну, а после чаю-то, что мне там делать целый день? Батюшки мои! В преферанс я играть не умею. Чулки вязать только и остается.

Зыбкина. И то дело, друг мой, все-таки не сложа руки сидеть.

Платон (с жаром). Так готовьте мне ниток и иголок, больше готовьте, больше!

Зыбкина. Приготовлю, мой друг, много приготовлю.

Платон (садится, опуская голову). От вас-то я, маменька, не ожидал, – признаться сказать, никак не ожидал.

Зыбкина. Зато деньги будут целее, милый друг мой.

Платон. Всю жизнь я, маменька, сражаюсь с невежеством, только дома утешение и вижу, и вдруг, какой удар, в родной матери я то же самое нахожу.

Зыбкина. Что то же самое? Невежество-то? Брани мать-то, брани!

Платон. Как я, маменька, смею вас бранить! Я не такой сын. А только ведь оно самое и есть.

Зыбкина. Обижай, обижай! Вот посидишь в яме-то, так авось поумнее будешь.

Платон. Что ж мне делать-то? Кругом меня необразование, обошло оно меня со всех сторон, одолевает меня, одолевает. Ах! Пойду брошуся, утоплюсь.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Зыбкина. Не бросишься.

Платон. Конечно, не брошусь, потому – это глупо. А я вот что, вот что. (Садится к столу, вынимает бумагу и карандаш.)

Зыбкина. Это что еще?

Платон. Стихи буду писать. В таком огорчении всегда так делают образованные люди.

Зыбкина. Что ты выдумываешь!

Платон. Чувств моих не понимают, души моей оценить не могут и не хотят; вот все это тут и будет обозначено.

Зыбкина. Какие ж это будут стихи?

Платон. «На гроб юноши». А вам читать да слезы проливать. Будет, маменька, слез тут ваших много, много будет. (Задумывается, пишет и опять задумывается.)

Входит Филицата с узлом.

#### ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Зыбкина, Платон, Филицата.

Филицата. Вот я тебе яблочек принесла! На-ка! (Отдает узел.) Салфеточку-то не забудь, хозяйская.

Зыбкина. Спасибо, Филицатушка, об салфетке попомню.

Филицата. Освободи-ка нас на минутку, нужно мне Платону два слова сказать.

Зыбкина. Об чем же это?

Филицата. Наше дело, мы с ним только двое и знаем.

Зыбкина. Я уйду, говорите. Говори что хочешь, только бы нам на пользу шло. (Уходит.)

#### ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Платон, Филицата.

Филицата. Послушай-ка ты, победитель!

Платон. Погоди, не мешай! Фантазия разыгрывается.

Филицата. Брось, говорю! Не важное какое дело-то пишешь, не государственное. Я послом к тебе.

Платон (пишет). Ничего хорошего от тебя не ожидаю.

Филицата. В гости зовут.

Платон. Когда?

Филицата. Сейчас, пойдем со мной! Провожу я тебя в сторожку, посидишь там до ночи, а потом в сад, когда все уснут. По обыкновению, как и прежде бывало, ту же канитель будем тянуть.

Платон. Не до того, я очень душой расстроен.

Филицата. А ты выручи меня! Приказала, чтоб ты был беспременно.

Платон. Да ведь это мука моя, ведь тиранство она надо мной делает.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Филицата. Что ж делать-то! Не ровная она тебе... а ты бы уж рад... Мало ль что? Чин твой не позволяет.

Платон. Скоро что-то; давно ль виделись! Прежде, бывало, дней через пять, через шесть.

Филицата. Значит, нужно. Оказия такая случилась.

Платон. Что еще? Говори, не скрывай.

Филицата. Слушай меня! Надежды ведь ты никакой на нее не имеешь?

Платон. Какая надежда! На что тут надеяться!

Филицата. Значит, и жалеть о ней тебе много нечего.

Платон. Не знаю. Как сердце примет. Тоже ведь оно у меня не каменное.

Филицата. Ну, авось не умрешь. Ее за енарала отдают.

Платон. За генерала?

Филицата. Да. Так уж ты тут при чем? Что ты против енарала можешь значить?

Платон. Где уж! Такая-то мелочь, такая-то мелочь, что самому на себя глядеть жалко. (Качая головой.) Но кто ж этого ожидал.

Филицата. Так пойдем. Должно быть, проститься с тобой хочет.

Платон. Приказывает, так надо идти. Вот она, жизнь-то моя: одно горе не оплакал, – другое на плечи валится. (Махнув рукою.) Одни стихи не кончил, другие начинай! (В задумчивости.) Вот и повезут... и повезут нас врозь, – ее в карете венчаться с генералом, а меня судебный пристав за ворот в яму.

За сценой голос Грознова: «Если б завтра да ненастье, то-то б рада я была».

Это что ж такое?

Филицата. Должно быть, Сила Ерофеич вернулся; в трактире был с нашими: с дворником да с садовником.

Голос за сценой: «Если б дождик, мое счастье».

Ну он и есть.

Входят Зыбкина и Грознов.

#### ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Платон, Филицата, Зыбкина, Грознов.

Грознов (поет). «За малинкой б в лес пошла». (Садится на стул.)

Филицата (Зыбкиной). Угомони ты его! Он теперь уснет, как умрет. А сына твоего я с собой уведу.

Зыбкина. Пущай идет. Своя воля, не маленький.

Филицата и Платон уходят.

Грознов (поет). «За малинкой б в лес пошла». Где он тут?

Зыбкина. Кто он-то?

Грознов. Приказчик этот. Вот он теперь поговори со мной! Я его. (Топает ногами.)

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Зыбкина. Он давно ушел, Сила Ерофеич.

Грознов. Подайте его сюда! Смеяться над Грозновым!... вот я ему задам!

Зыбкина. Да где же его взять-то?

Грознов. Ты смеяться надо мной? Ах ты, молокосос! Что ты, что ты! Ты знаешь ли, что такое Грознов... Сила Грознов?... Грознов герой... одно слово... пришел, увидел, ну, и кончено. Это только уму... у... у... непостижимо.

Зыбкина. Ах, скажите пожалуйста!

Грознов. Молодой Грознов... ну, да не теперь, а молодой.

Зыбкина. Ах, как это интересно.

Грознов. Была женщина красавица, и были у нее станы ткацкие, на Разгуляе... там далеко... в Гав... в Гав... в Гавриковом переулке и того дальше... Только давно это было... перед турецкой войной. Тогда этот турка взбунтовался, а мы его били... за это... Вот каков Грознов! А ты шутить!... Мальчишка.

Зыбкина. Ну, и что же эта женщина, Сила Ерофеич?

Грознов. Вот и полюбила она Грознова... и имел Грознов от нее всякие продукты и деньги... И услали Грознова под турку... И чуть она тогда с горя не померла... так малость самую... в чем душа осталась. А Грознов стал воевать... Вот каков Грознов, а ты мальчишка! У... у... (Топает ногами.)

Зыбкина. Дальше-то, дальше-то что, Сила Ерофеич?

Грознов. Только умереть она не умерла, а вышла замуж за богатого купца... очень влюбился; такая была красавица... по всей Москве одна. Первая красавица в Москве, и та любила Грознова... Вот он какой, вот он какой.

Зыбкина. И уж вы после эту женщину не видали?

Грознов. Как не видать, видел. (Поет.) «За малинкой б в лес пошла».

Зыбкина. Чай, не узнала вас, отвернулась, будто и незнакомы?

Грознов. Ну, нет. Тут такая история была, такая история, что и думать, так не придумаешь.

Зыбкина. Уж вы, будьте столь добры, доскажите до конца.

Грознов. Вот пришел я в Москву в побывку, узнал, что она замужем... расспросил, как живет и где живет. Иду к ней, дом – княжеские палаты; мужа на ту пору нет... Как увидела она меня, и взметалась, и взметалась... уж очень испугалась... Муж-то ее в большой строгости держал... И деньги-то мне тычет... и перстни-то снимает с рук, отдает, я все это беру... Дрожит, вся трясется, так по стенам и кидается; а мне весело. «Возьми что хочешь, только мужу не показывайся!» Разва три я так-то приходил... тиранил ее... Ну, и стал прощаться, надо в полк идти, – а она-то себя не помнит от радости, что покойна-то будет... И что же я с ней тогда сделал... по научению умных людей... Мудрить-то мне над ней все хотелось... Взял я с нее такую самую страшную клятву, что ежели эту клятву не исполнить, так разнесет всего человека... С час она у меня молилась, все себя проклинала, потом сняла образ со стены... А клятва эта была в том, что ежели я ворочусь благополучно и что ни истребую у нее, чтоб все было... А на что мне? так пугал... И клятва эта вся пустая, так слова дурацкие: на море на океане, на острове на буйне... В шею бы меня тогда... а она – всурье... Так вот каков Грознов!

Зыбкина. А что ж дальше-то?

Грознов. Ничего. Чему быть-то?... Я всего пять дней и в Москве-то... умирать на родину приехал... а то все в Питере жил... Так чего мне?... деньги есть... покой мне нужен, вот и все... А чтоб меня обидеть, так это нет, шалишь... Где он тут? давайте его сюда! (Топает ногами, потом дремлет.) «За малинкой б в лес пошла».

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Зыбкина. Ложились бы вы, храбрый воин, почивать.

Грознов (стряхивая дремоту). Зорю били?

Зыбкина. Били.

Грознов. Ну, теперь одно дело – спать.

Зыбкина. Вот сюда, на диванчик, пожалуйте!

Грознов (садясь на диван, отваливается назад и поднимает руки). Царю мой и боже мой!

#### ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ ЛИЦА:

Мавра Тарасовна.

Барабошев.

Поликсена.

Мухояров.

Платон.

Филицата.

Глеб.

Декорация первого действия. Лунная ночь.

#### ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глеб (один).

Глеб. Какая все, год от году, перемена в Москве, совсем другая жизнь пошла. Бывало, в купеческом доме в девять часов хозяева-то уж второй сон видят, так для людей-то какой простор! А теперь вот десять часов скоро, а еще у нас не ужинали, еще проклажаются, по саду гуляют. А что хорошего! Только прислуге стеснение! Вот мешки-то с яблоками с которых пор валяются, никак их со двора не сволочешь, не улучишь минуты за ворота вынести; то сам тут путается, то сама толчется. Тоже ведь и нам покой нужен; вот снес бы яблоки и спал, а то жди, когда они угомонятся.

Входят Мавра Тарасовна и Филицата.

#### ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глеб, Мавра Тарасовна, Филицата.

Глеб. Я вот, Мавра Тарасовна, рассуждаю стою, что пора бы нам яблоки-то обирать. Что они мотаются! Только одно сумление с ними да грех; стереги их, броди по ночам, чем бы спать, как это предоставлено человеку.

Мавра Тарасовна. Я свое время знаю, когда обирать их.

Глеб. То-то, мол. Отобрать бы: которые в мочку, которые в лежку, опять ежели варенье...

Мавра Тарасовна. Уж это, миленький, не твое дело.

Глеб. Да мне что! Я со всем расположением... уж я теперь неусыпно... Нет, я за ум взялся: стеречь надо, вот что!

Мавра Тарасовна. Стереги, миленький, стереги.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Глеб. А вора я вам предоставлю... что я виноват, уж это, нет, едва ли! (Уходит.)

### ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мавра Тарасовна, Филицата.

Мавра Тарасовна. Амос Панфилыч давно уехал?

Филицата. Да он, матушка, дома.

Мавра Тарасовна. Что так замешкался?

Филицата. Да, видно, не поедет; и лошадей не закладывают, да и кучер со двора отпросился.

Мавра Тарасовна. По будням все ночи напролет гуляет, а в праздник дома; чему приписать, не знаю.

Филицата. Что человека из дома-то гонит? отвага. А ежели отваги нет, ну и сидит дома. Вот какое дело; а то чему ж другому быть-то!

Мавра Тарасовна. Куда ж эта его отвага девалась?

Филицата. Первая отвага в человеке – коли денег много; а деньги под исход – так человек скромнее бывает и чувствительнее, и об доме вспомнит, и об семействе.

Мавра Тарасовна. Так от безденежья, ты думаешь?

Филицата. Одно дело, что прохарчился, матушка.

Мавра Тарасовна. Ты с приказчиками-то, миленькая, дружбу водишь, так что говорят-то? Ты мне как на духу!

Филицата. Да что ж! Тонки дела, тонки.

Мавра Тарасовна. Торговля плоха, стало быть?

Филицата. Да что торговля! Какая она ни будь, а если нынче из выручки тысячу, завтра две, да так постепенно выгребать, много ли барыша останется? А тут самим платить приходится; а денег нет, вот отчего и тоска, и уж такого легкого духу нет, чтоб тебя погулять манило.

Мавра Тарасовна. А много ль Амос Панфилыч на себя забрал из выручки-то?

Филицата. Говорят, тысяч двадцать пять в короткое время.

Мавра Тарасовна. Ну, что ж, миленькая, пущай, мы люди богатые, только один сын у меня; в кого ж и жить-то?

Филицата. Да что уж! Только б быть здоровыми.

Мавра Тарасовна. Еще чего не знаешь ли? Так уж говори кстати, благо начали.

Филицата. Платона даром обидели, вот что! Он хозяйствскую пользу соблюдал и такие книги писал, что в них все одно что в зеркале, сейчас видно, кто и как сплутовал. За то и возненавидели.

Мавра Тарасовна. Конечно, такие люди дороги; а коли грубит, так ведь одного дня терпеть нельзя.

Филицата. Ваше дело, мы судить не смеем.

Проходят. С другой стороны входят Барабашев и Мухояров.

### ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Барабошев, Мухояров.

Барабошев. Почему такое, Никандра, у нас в кассе деньги не в должном количестве?

Мухояров. Такая выручка, Амос Панфилыч, ничего не поделаешь.

Барабошев. Мне нужно тысячи две на мои удовольствия, и вдруг сюрприз.

Мухояров. Уплаты были, сроки подошли.

Барабошев. А как, братец, наш портфель?

Мухояров. Портфель полнехонек, гербовой бумаги очень достаточно.

Барабошев. В таком разе дисконтируй!

Мухояров. Где прикажете?

Барабошев. Никандра, ты меня удивляешь. Ступай, братец, по Ильинке, налево один банк, направо другой.

Мухояров. Да-с, это точно-с. Вот если бы вы сказали: ступай по Ильинке, налево один трактир, дальше – другой, в одном спроси полторный, в другом порцию солянки закажи; так это осуществить можно-с. А ежели заходить в банки, так это один моцион, больше ничего-с; хоть налево заходи, хоть направо, ни копейки за наши векселя не дадут.

Барабошев. Но мой бланк чего-нибудь стоит?

Мухояров. Еще хуже-с.

Барабошев. Значит, я тебя буду учить, коли ты настоящего не понимаешь. Нужны деньги, процентов не жалей, дисконтируй в частных руках, у интересантов.

Мухояров. Все это мне давно известно-с! Но в частных руках полторы копейки в месяц за хорошие-с.

Барабошев. А за наши?

Мухояров. Ни копейки-с.

Барабошев. Получение предвидится?

Мухояров. Получения много, только получить ничего нельзя-с.

Барабошев. А платежи?

Мухояров. А платежи завтрашнего числа, и послезавтра, и еще через неделю.

Барабошев. Какая сумма?

Мухояров. Тысяч более тридцати-с.

Барабошев. Постой, постой! Ты, братец, должен осторожнее. Ты меня убил. (Садится на скамейку.)

Мухояров. У Мавры Тарасовны деньги свободные-с.

Барабошев. Но у нее у сундука замок очень туг.

Мухояров. Приидите, поклонимся.

Барабошев. Она любит, чтоб ей вприсядку кланялись, до сырой земли.

Мухояров. И ничего не зазорно-с, потому родительница.

Барабошев. Хрящи-то у меня срослись, гибкости, братец, прежней в себе не нахожу.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Мухояров. Оно точно-с, выделять эти самые па довольно затруднительно, – но, при всем том, обойтись без них никак невозможно-с.

Барабошев. Поклоны-то поклонами, эту эпитимию мы выдержим, но для убеждения нужна и словесность.

Мухояров. За словесностью остановки не будет, потому как у вас на это дар свыше. Пущайте против маменьки аллегорию, а я в ваш тон потрафлю – против вашей ноты фальши не будет.

Барабошев. Значит, спелись.

Входит Мавра Тарасовна.

#### ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Барабошев, Мухояров, Мавра Тарасовна.

Мавра Тарасовна. Ты дома, миленький? На чем это записать? Как это ты сплоховал, что тебя ночь дома застала, соловьиное время пропустил.

Барабошев. Соловьиное время только до Петрова дни-с.

Мавра Тарасовна. Для тебя, миленький, видно, круглый год поют; вечерняя заря тебя из дома гонит, а утренняя загоняет. Дурно я об сыне думать не могу, так все полагаю, что ты соловьев слушаешь! Уж здоров ли ты?

Барабошев. Болезни во мне никакой, только вздохание в груди частое и оттого стеснение.

Мавра Тарасовна. Не от вина ли? Ты бы ему немножко отдохнуть дал.

Барабошев. Вино на меня действия не имеет. А ежели какой от него вред случится, только недельку перегодить и на нутр цапцапарель принимать, – все испарением выдет, и опять сызнова можно, сколько угодно. Скорей же я могу расстроиться от беспокойства.

Мавра Тарасовна. Что же тебя, миленький, беспокоит?

Барабошев. Курсы слабы. Никандра, как на Лондон?

Мухояров. Двадцать девять пять осьмых-с.

Барабошев. А дисконт?

Мухояров. Приступу нет-с.

Мавра Тарасовна. Да на что тебе Лондон, миленький?

Барабошев. Лондон, конечно, будет в стороне, но мне от дискоинту большой убыток. Денег в кассе наличных нет.

Мавра Тарасовна. Куда ж они делись?

Барабошев. Я на них спекуляцию сделал в компании с одним негоциантом. Открыли натуральный сахарный песок, так мы купили партию.

Мавра Тарасовна. Как так натуральный?

Барабошев. По берегам рек.

Мавра Тарасовна. Как же он не растает?

Барабошев. В нашей воде точно растаять должен, а это в чужих землях... Где, Никандра, нашли его?

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Мухояров. В Бухаре-с. Там такие реки, что в них никогда воды не бывает-с.

Мавра Тарасовна. Так ты с барышом будешь, миленький?

Барабошев. Интересы будут значительные, но в настоящее время есть платежи и нужны наличные деньги, а их в кассе нет.

Мавра Тарасовна. Так бы ты и говорил, что нужны, мол, деньги, а сахаром-то не подслащал.

Барабошев. Я вам в обеспечение ваших денег представлю векселей на двойную сумму.

Мавра Тарасовна. Пойдем, миленький, в комнатах потолкуем, да векселя и все счеты мне принесите! Я хоть мало грамотна, а разберу кой-что.

Барабошев. Захвати, Никандра, все нужные документы!

Уходят: Мавра Тарасовна, Барабошев и Мухояров. Входит Глеб.

#### ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Глеб, потом Филицата и Поликсена.

Глеб. Насилу-то их унесло. Теперь мешки на плечи один по одному, да по заборчику, по холодку-то оно любо. Хоть и тяжеленьки, меры по две будет в каждом, да своя ноша не тянет. Где они тут?

Входят: Поликсена и Филицата.

Вот еще принесло! Эх, наказанье!

Филицата подходит. Поликсена остается вдали.

Что на вас угомону нет? Полуночники, право полуночники.

Филицата. Да тебе что за печаль?

Глеб. Ну, уж дом! Попал я на местечко!

Филицата. Не греши! Чего тебе мало? Завсегда сыт, пьян, хоть не сплошь, так уж через день аккуратно; с хорошего человека и довольно бы.

Глеб. Вы долго прогуляете?

Филицата. Ты сторожем, что ль, при нас приставлен?

Глеб. Я при яблоках.

Филицата. Говорить-то тебе нечего. Шел бы спать, расчудесное дело.

Глеб. Стало быть, я вам мешаю?

Филицата. Да что торчишь тут, какая приятность смотреть на тебя?

Глеб. А может, ты мне мешаешь-то, знаешь ли ты это?

Филицата. Как не знать! Премудрость-то не велика, бери мешок-то, тащи, куда тебе надобно, мы и видели, да не видали.

Глеб. Да у меня их два.

Филицата. За другим после придешь.

Глеб. Это вот дело другого рода, так бы ты и говорила. (Берет из куста мешок на плечи и уходит.)

Поликсена подходит ближе.

#### ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Поликсена, Филицата.

Поликсена. Где же он?

Филицата. Погоди, не вдруг; дай садовнику пройти. Он у меня в сторожке сидит, дожидается своего срока.

Поликсена. Какая ты милая, добрая! Уж как тебя благодарить – не знаю.

Филицата. Вот будешь енаральшай-то, так не оставь своими милостями, ты мне на лоб-то галун нашей!

Поликсена. Полно глупости-то! Поди, поди!

Филицата. Куда идти, зачем? мы ему сигнал подадим. (Отходит к кустам и достает что-то из-под платка.)

Поликсена. Что там у тебя? Покажи, что!

Филицата. Что да что! Тебе что за дело! Ну, телеграф.

Поликсена. Как телеграф? Какой телеграф?

Филицата. Какой телеграф да какой телеграф! Отстань ты! Ну, котенок. Вот я ему хвост подавлю, он замяукает, а Платон услышит и придет, так ему приказано.

Котенок мяукает.

Поликсена. Да будет тебе его мучить-то!

Филицата. А он служи хорошенъко; я его завтра за это молоком накормлю. Ну, ступай! Теперь ты свою службу кончил. (Пускает котенка за кусты.)

Поликсена. Как это тебе в голову приходит?

Филицата. Твои причуды-то исполнять, так всему научишься. На все другое подозрение есть: стук ли, собака ли залаает – могут выйти из дома, подумают, чужой. А на кошку какое подозрение, хоть она разорвись, – мало ль их по деревьям да по крышам мяучат?

Входит Платон.

#### ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Поликсена, Филицата, Платон, потом Глеб.

Филицата. Вот побеседуйте! Нате вам по яблочку, чтоб не скучно было. (Уходит в беседку, садится у окна, потом постепенно склоняет голову и засыпает.)

Поликсена (потупясь). Здравствуй, Платоша!

Платон. Здравствуйте-с!

Поликсена. Ты идти не хотел, я слышала.

Платон. Да что мне здесь делать. Я в последний раз вам удовольствие, а себе муку делаю, так имейте сколько-нибудь снисхождения. Я и так судьбой своей обижен.

Поликсена. Как ты можешь жаловаться на свою судьбу, коли я тебя люблю. Ты должен за счастье считать.

Платон. Да где ж она, ваша любовь-то?

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Поликсена. А вот я тебе сейчас ее докажу. Садись! Только ты подальше от меня.

Садятся на скамейку.

Ну, вот слушай.

Платон. Слушаю-с.

Поликсена. Я тебя полюбила.

Платон. Покорно вас благодарю.

Поликсена. Может быть, ты и не стоишь; да и конечно не стоишь.

Платон. Лучше бы уж вы не любили, мне бы покойней было!

Поликсена. Нет, это я так, к слову, чтобы ты больше чувствовал. А я тебя люблю, люблю и хочу доказать.

Платон. Доказывайте.

Поликсена. Миленький мой, хорошенъкий! Так бы вот и съела тебя!

Платон подвигается.

Только ты не подвигайся, а сиди смирно!

Платон. При таких ваших словах смирно сидеть вевозможно-с.

Поликсена. Нет, нет, отодвинься.

Платон отодвигается.

Вот так! Как бы я расцеловала тебя, мой миленький.

Платон. Кто же вам мешает-с? Сделайте ваше одолжение!

Поликсена. Нет, этого нельзя. Вот видишь, что я тебя люблю, вот я и доказала.

Платон. Только на словах-с.

Поликсена. Да, на словах. А то как же еще? Ну, теперь ты мне говори такие же слова!

Платон. Нет, уж я другие-с.

Поликсена. Ну, какие хочешь, только хорошие, приятные; я и глаза зажмурю.

Платон. Уж не знаю, приятны ли они будут – только от всей души.

Поликсена. Ну, говори, говори, я дожидаюсь.

Платон. Не только любви, а никакого чувства настоящего и никакой жалости в вас нет-с.

Поликсена. Так разве это у меня не любовь, что же это такое?

Платон. Баловство одно, только свой каприз тешите. Одна у вас природа с Амосом Панфиличем, вот что я замечаю.

Поликсена. Конечно, одна, коли он мой отец.

Платон. И одно у вас удовольствие: издеваться над людьми и тираниТЬ. Вы воображаете, что в вас существует любовь, а совсем напротив. Года подошли, пришло такое время, что уж пора вам любовные слова говорить, вот вы и избираете кого посмирнее, чтоб он сидел да слушал ваши изъяснения. А прикажет вам бабушка замуж идти, и всей этой любви конец, и обрадуетесь вы первому встречному. А мучаете вы человека так, от скуки, чтоб покуда, до жениха, у вас даром время не

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru) шло. И сиди-то он смирно, и не подвигайся близко, и никакой ему ласки, все это вы бережете суженому-ряженому, какому-то неизвестному. Обрывает вам тятенка где-нибудь в трактире, шут его знает какого оглашенного, и вы сейчас ему на шею, благо дождались своего настоящего.

Поликсена. Как ты смеешь?

Платон. Позвольте! Так уж вы посадите куклу такую, да и выражайте ей свою любовь! Ни чувствовать она не может, ни казниться не будет, а для вас все одно.

Поликсена. Как ты смеешь такие слова говорить?

Платон. Отчего же и не говорить, коли правда.

Поликсена. Да ты и правду мне не смей говорить!

Платон. Нет уж, правду никому не побоюсь говорить. Самому лютому зверю – льву и тому в глаза правду скажу.

Поликсена. А он тебя растерзает.

Платон. Пущай терзает. А я ему скажу: терзай меня, ну терзай, а правда все-таки на моей стороне.

Поликсена. Не за тем я тебя звала.

Платон. Не за тем вы звали, да за тем я шел. Кабы я вас не любил, так бы не говорил. А то я вас люблю и за эту самую глупость погибаю. Все надо мной смеются, издеваются, хозяин из меня шута сделал; мне бы давно бежать надо было; а я все на вас, на вашу красоту любовался.

Поликсена подвигается.

Куда ж вы подвигаетесь?

Поликсена. Не твое дело.

Платон. А теперь вот из дома выгнали, а я человек честный, благородный. да в яму еще сажают, завтра повезут, должно быть. Прощайте!

Поликсена подвигается.

Вот уж вы и совсем близко.

Поликсена. Ах, оставь ты меня! Я так желаю, это мое дело.

Платон. Да ведь я живой человек, не истукан каменный.

Поликсена (подвигаясь очень близко). И очень хорошо, что живой. Я ведь ничего тебе не говорю, ничего не запрещаю.

Платон. Да, вот так-то лучше, гораздо благороднее. (Обнимает Поликсену одной рукой.) Вот как я люблю-то тебя, слышала ты? А от тебя что вижу?

Поликсена. Так как же мне любить-то тебя? Научи!

Платон. А вот ты почувствуй любовь-то хорошенъко, так уж сама догадаешься, что тебе делать следует.

Поликсена ложится к нему на плечо.

Что ж это ты со мной делаешь, скажи на милость!

Поликсена. Постой, погоди, не трогай, не мешай мне! Я думаю.

Входит Глеб.

Глеб (издали). Вот они дела-то! Чужой человек в саду. Ну, теперь я виноват не

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
останусь. (Уходит.)

Поликсена. Я теперь знаю, что мне делать, я выдумала: я скажу завтра бабушке, что люблю тебя и, кроме тебя, ни за кого замуж не пойду.

Платон. Вот это с твоей стороны благородно, только от бабушки никакого благородства ждать нельзя, – она беспременно подлость какую-нибудь выдумает.

Поликсена. Скажу, коли не хотите обидеть меня, так дайте приданое, а то и не надо... я и без приданого пойду за него.

Платон. Вот это по душе...

Поликсена (печально). Да, по душе. Только ты не очень-то, видно, рад? А говорил, что живой человек.

Платон. Что ж? Да как? Я, право, не знаю.

Поликсена. Ты хоть бы мне спасибо сказал за мою любовь... Ну... поцеловал бы, что ли?

Платон. Вот уж это я дурак! (Целует ее.) Извини! Не суди строго! Все чувства убиты.

Поликсена (обнимая Платона). Как я тебя люблю! Вот когда ты сидел далеко, я так тебя не любила, а теперь, когда ты близко, я, кажется, все для тебя на свете, ну, все, что ты хочешь.

Платон. Вот теперь мне и в яму не так горько идти.

Поликсена. Да забудь ты про все, забудь! Знай ты во всем мире только меня одну, свою Поликсену! Милый ты мой, хороший!

Входит Глеб.

#### ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Платон, Поликсена, Глеб.

Глеб (Поликсене). Ах, Поликсена Амосовна! Дурно, очень дурно, ничего нет хорошего! Вон тятенька с бабушкой идут.

Поликсена. Ах! Ну, спасибо, Глеб. (Платону.) Беги скорей, прощай. (Уходит в беседку.)

Платон идет в кусты.

Глеб. Ты куда? Нет, ты погоди!

Платон. Да что ты, в уме ли? Зачем ты меня держишь?

Глеб. Пустить нельзя, шалишь, брат.

Платон. Ну, сделай милость! Ну, не губи ты меня и Поликсену Амосовну!

Глеб. Ее дело сторона – она хозяйская дочь, может в саду во всякое время; а ты как сюда попал, какой дорогой?

Платон. Да тебе что за дело?

Глеб. Как что за дело? Да кому ж дело-то, как не мне? Мне за вас напраслину терпеть.

Платон. Да об чем ты?

Глеб. Об чем? Об яблоках. (Громко.) Караул!

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Входят Мавра Тарасовна, Барабошев, Мухояров.

#### ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Платон, Глеб, Мавра Тарасовна, Барабошев, Мухояров. В беседке Поликсена, Филицата.

Барабошев (Глебу). Что, братец, за дебош? Коль скоро ты поймал вора, сейчас крути ему назад лопатки и представь на распоряжение полицейской администрации.

Мухояров (Глебу). Как ты хозяев до беспокойства доводишь, караул кричишь. Нынче уж эта песня из моды выходит, приглашают полицию, составляют акт без этого невежества.

Глеб. Я вам докладывал, что вора предоставлю, вот извольте, и с поличным. (Берет у Платона из рук яблоко.)

Барабошев. Да это Платон Зыбкин. На словах ты, братец, патриот, а на деле фрукты воруешь.

Платон. Я не вор.

Барабошев. В таком случае зачем твои проминажи в чужом саду?

Платон. Я не вор.

Мавра Тарасовна. Так ты, миленький, не воровать приходил?

Платон. Да нет же, говорю я вам; на что мне ваши яблоки!

Мавра Тарасовна. Что ж вы на парня напали? За что его обижаете? Он не вор, он гулять в наш сад приходил, время провести. С кем же ты, миленький, здесь в саду время проводил?

Барабошев. От таких твоих проминажей может быть урон нашей чести. У нас каменные заборы и железные ворота затем и поставлены, что в нашей фамилии существует влюблчивость.

Мавра Тарасовна. Уж ты не утаивай от меня, я хозяйка; коли есть в доме такие гулены, так их унять можно.

Платон (решительно). Вяжите меня скорей! Я вор, я за яблоками, я хотел весь сад обворовать.

Поликсена (выходя из беседки). Не верьте ему: он ко мне приходил.

Барабошев. Маменька, удар! Я даже разговору лишился и не имею слов. Обязан я убить его сейчас на месте, или эту казнь правосудию предоставить, я в недоумении.

Мавра Тарасовна. Погоди, миленький! Ничего я тут особенного не вижу, это часто бывает. Сейчас я все дело рассужу. Кто виноват, с того мы взыщем, а для чего мы девушку здесь держим? И не пристало ей пустые разговоры слушать, и почивать ей пора. (Филицате.) Ну-ка, ты, стража неусыпная!

Филицата. Кому что, а уж мне будет.

Мавра Тарасовна. Веди ты ее, укладывай почивать! Коли бессонница одолеет, сказочку скажи.

Поликсена (обнимая Платона). Бабушка, поздно вы хватились: нас разлучить невозможно.

Мавра Тарасовна. Да зачем вас разлучать, кому нужно? Только не сейчас же вас венчать; вот уж завтра, что бог даст. Утро вечера мудренее. А спать-то тебе надо, да и ему пора домой идти. Ишь он как долго загостился. Иди-ка, иди с богом!

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Поликсена (целуя Платона). Прощай, мой милый! Я слово сдержу. Мое слово крепко, – вот так крепко, как я тебя целую теперь.

Мавра Тарасовна. Ну, вот так-то, честь честью, чего лучше! Ужо еще поцелуйтесь. При людях-то оно не так зазорно.

Поликсена целует Платона и уходит.

Небось хорошо, сладко?

Платон. Чудесно-с! Но ежели вы меня убивать – так сделайте ваше одолжение, поскорей!

Мавра Тарасовна. Погоди, твоя речь впереди! Чтоб не было пустых разговоров, я вам расскажу, что и как тут случилось. Вышла Поликсеночка погулять вечером да простудилась, и должна теперь, бедная, месяца два-три в комнате сидеть безвыходно, – а там увидим, что с ней делать. Парень этот ни в чем не виноват; на него напрасно сказали; яблочек он не воровал, взял, бедный, одно яблочко, да и то отняли, попробовать не дали. И отпустили его с миром домой. Вот только и всего, больше ничего не было, так вы и знайте!

Платон. Очень, очень премного вами благодарен.

Мавра Тарасовна. Не за что, миленький.

Платон. Есть за что: рук не вязали, оглоблей не били. Только душу вынули, а членовредительства никакого.

Барабошев. Красноречие оставь! Тебе оно нейдет.

Мавра Тарасовна. Не тронь его, пусть поговорит. Проводить успеем.

Платон. Вы разговору моему не препятствуете? И за это я вас благодарить должен. Все вы у меня отняли и убили меня совсем, но только из-под политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Уж на что еще учтивее и политичнее: дочь-девушку, богатую невесту, при себе целовать позволяете! И кому же? Ничтожному человеку, прогнанному приказчику! Ах благодетели, благодетели мои! Замучить-то вы и ее и меня замучите, высушите, в гроб вгоните, да все-таки учтиво, а не по-прежнему. Значит, наше взяло! Ура!! Вот оно – правду-то вам говорить почаше, вот! Как вы много против прежнего образованнее стали! А коли учить вас хорошенъко, так вы, пожалуй, скоро и совсем на людей похожи будете.

#### ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ ЛИЦА:

Мавра Тарасовна.

Барабошев.

Поликсена.

Мухояров.

Платон.

Грознов.

Филицата.

Большая столовая: прямо стеклянная дверь в буфетную, через которую ход в сени и на заднее крыльцо; направо две двери – одна ближе к авансцене, в комнату Мавры Тарасовны, другая в комнату Поликсены, налево две двери, – одна в гостиную, другая в коридор, – между дверями ореховый буфет; посередине обеденный стол, покрытый цветной скатертью. Мебель дорогая, тяжелая.

#### ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

из средней двери выходят: филицата и Грознов.

филицата. Вот это у нас столовая, Сила Ерофеич! Вот буфет; тут посуда, столовое белье, серебро.

Грознов. Много серебра-то?

филицата. Пуды лежат, шкаф ломится, и старого и нового есть довольно.

Грознов. Хорошо, у кого серебра-то много.

филицата (у двери гостиной). Уж на что лучше. А вот это у нас комнаты не живущие, гостиная, да еще другая гостиная, а там зала.

Грознов. Как полы-то лоснятся.

филицата. В год два раза гости бывают, а каждую неделю натирают, вот они и лоснятся. А вот комната Мавры Тарасовны!... (Отворяет дверь.)

Грознов. Ишь ты, какой покой себе, какую негу нажила!

филицата. И деньги свои, и воля своя, так кто ж ей запретит.

Грознов. А сундук-то железный – с деньгами, чай?

филицата. С деньгами.

Грознов. Чай, много их там?

филицата. Большие тысячи лежат. А внизу у нас две половины: в одной Амос Панфилыч живет, а в другой – приказчики да контора. Вот, Сила Ерофеич, я вам все наши покой показала; а теперь подождите в моей каморке! Теперь скоро сама-то приедет. Когда нужно будет, я вас кликну. Только уж вы ничего не забудьте, все скажите!

Грознов. Ну, вот еще! Меня учить не надо.

филицата. А я вам поднесу для храбрости. (Провожает Грознова в среднюю дверь.)

## ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

филицата (одна). Эка тишина, точно в гробу! С ума сойдешь от такой жизни! Только что проснутся, да все как и умрут опять. Раз пять дом-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь, только и занятия. Бродишь одна по пустым комнатам – одурь возьмет. Муха пролетит, и то слышно.

Поликсена показывается из своей двери.

## ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

филицата, Поликсена.

Поликсена. Тоска меня загрызла, места не найду.

филицата. Уж нечего делать, потерпи, может, моя ворожба и на пользу будет. Утопающий за соломинку хватается. Сама видишь, я рада для тебя в ниточку вытянуться.

Поликсена. Ты где же была все утро?

филицата. Все в хлопотах. Снарядивши бабушку к обедне, к соседям сбежала, провела сюда, пока самой-то дома нет...

Поликсена. И Платона здесь?

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Филицата. Здесь, у меня в каморке. Ведь мало ль что, я куражу не теряю.

Поликсена (с нетерпением). Что ж это бабушка-то так долго?

Филицата. должно быть, зашла к Кирилушке.

Поликсена. К какому Кирилушке?

Филицата. Блаженненький тут есть, просто сказать, дурачок.

Поликсена. Так зачем она к нему?

Филицата. За советом. Ведь твоя бабушка умная считается; за то и умной зовут, что все с совету делает. Какая ж бы она умная была, кабы с дураком не советовалась.

Поликсена. Да об чем ей советоваться?

Филицата. А как тебя тиранить лучше. Ты думаешь, своим-то умом до этого скоро дойдешь? Нет, матушка, на все на это своя премудрость есть. Вот позвонил кто-то. Ты поди к себе, посиди пока, да погоди сокрушаться-то! Бог не без милости, казак не без счастья.

Поликсена уходит. Входит Мавра Тарасовна и садится к столу.

#### ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мавра Тарасовна, Филицата.

Филицата. (подобострастно). Утрудились?

Мавра Тарасовна. Никто меня не спрашивал?

Филицата. Амос Панфилыч раза два наведывались, в город ехать сбираются.

Мавра Тарасовна. Подождет, не к спеху дело-то. Вели сказать ему, чтобы зашел через полчаса. Пошли ко мне Поликсену!

Филицата (в дверь Поликсене). Поди, бабушка тебя кличет. (Уходит.)

Входит Поликсена.

#### ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мавра Тарасовна, Поликсена.

Мавра Тарасовна. Ты, миленькая, помимо нашей воли, своим умом об своей голове рассудила? Нешто так можно?

Поликсена. Я пойду за того, кого люблю.

Мавра Тарасовна. Да, пойдешь, если позволят.

Поликсена. Вы меня приданым попрекали; я пойду за него без приданого – возьмите себе мое приданое!

Мавра Тарасовна. Ты меня, миленькая, подкупить не хочешь ли? Нет, я твоим приданым не покорыстуюсь; мне чужого не надо; оно тебе отложено и твое всегда будет. Куда бы ты ни пошла из нашего дома, оно за тобой пойдет. Только выходов-то тебе немного: либо замуж по нашей воле, либо в монастырь. Пойдешь замуж – отдадим приданое тебе в руки, пойдешь в монастырь – в монастырь положим. Хоть и умрешь, боже сохрани, за тобой же пойдет, – отдадим в церковь на помин души.

Поликсена. Я пойду за того, кого люблю.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Мавра Тарасовна. Коли тебе такие слова в удовольствие, так, сделай милость,  
говори. Мы тебя, маленькая, не обидим, говорить не закажем.

Поликсена. Зачем вы меня звали?

Мавра Тарасовна. Поговорить с тобой. Сделаем-то мы по-своему, а поговорить с  
тобой все-таки надо.

Поликсена. Ну вот вы слышали мой разговор?

Мавра Тарасовна. Слышала.

Поликсена. Может быть, вы не хорошо расслушали, так я вам еще повторю: я пойду  
за того, кого люблю. Нынче всякий должен жить по своей воле.

Мавра Тарасовна. Твои «нынче» и «завтра» для меня все равно что ничего; для меня  
резонов нет. Меня не то что уговорить, в ступе утолочь невозможно. Не знаю, как  
другие, а я своим характером даже очень довольна.

Поликсена. А у меня характер: делать все вам напротив; и я своим тоже очень  
довольна.

Мавра Тарасовна. Так, маленькая, мы и запишем.

Поликсена уходит. Входит филицата.

#### ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мавра Тарасовна, филицата.

Мавра Тарасовна. Поди-ка ты сюда поближе!

Филицата. Ох, иду, иду. (Подходит.) Виновата. (Кланяется, касаясь рукой пола.)

Мавра Тарасовна. Мне из твоей вины не шубу шить. Как же это ты недоглядела? Аль,  
может, и сама подвела?

Филицата. Ее дело молодое, а все одна да одна, – жалость меня взяла... ну,  
думаешь: поговорят с парнем, да и разойдутся. А кто ж их знал? Видно, сердце-то  
не камень.

Мавра Тарасовна. Уж очень ты жалостлива. Ну сбирайся!

Филицата. Куда сбираешься?

Мавра Тарасовна. Со двора долой. В хорошем доме таких нельзя держать.

Филицата. Вот выдумала! А еще умной называешься. Кто тебя умной-то назвал, и тот  
дурак. Сорок лет я в доме живу, отца ее маленьким застала, все хороша была, а  
теперь вдруг и не гожусь.

Мавра Тарасовна. С летами ты, значит, глупеть стала.

Филицата. Да и ты не поумнела, коли так нескладно говоришь. Виновата я, ну,  
побей меня, коли ты хозяйка; это по крайности будет с умом сообразно; а то  
на-ка, с двора ступай! Кто ж за Поликсеной ходить-то будет? Да вы ее тут совсем  
уморите.

Мавра Тарасовна. Что за ней ходить, она не маленькая.

Филицата. И велика, да хуже маленькой. Я вчера, как мы из саду вернулись, у ней  
изо рту коробку со спичками выдернула. Вот ведь какая она глупая! Нешто этим  
шутят?

Мавра Тарасовна. Кто захочет что сделать над собой, так не остановишь. А надо  
всеми над нами бог, – это лучше нянек-то. А тебя держать нельзя, ты сильно  
жалостлива.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Филицата. Такая уж я смолоду. Не к одной я к ней жалостлива, и к тебе, когда ты была помоложе, тоже была жалостлива. Вспомни молодость-то, так сама внучку-то пожалеешь.

Мавра Тарасовна. Нечего мне помнить, чиста моя душенька.

Филицата. А ты забыла, верно, как дружок-то твой вдруг налетел? Кто на часах-то стоял? Я от страху-то не меньше тебя тряслась всеми суставами, чтобы муж его тут не захватил. Так меня после целую неделю лихорадка била.

Мавра Тарасовна. Было, да быльем поросло, я уж в этом грехе и каяться перестала. И солдатик этот бедненький давно помер на чужой стороне.

Филицата. Ох, не жив ли?

Мавра Тарасовна. Никак нельзя ему живым быть, потому я уж лет двадцать за упокой его души подаю, так нешто может это человек выдержать.

Филицата. Бывает, что и выдерживают.

Мавра Тарасовна. Что я прежде и что теперь – большая разница: я теперь очень далека от всего этого и очень высока стала для вас, маленьких людей.

Филицата. Ну, твое при тебе.

Мавра Тарасовна. Так ты пустых речей не говори, а сбирайся-ка, подобру-поздорову! Вот тебе три дня сроку!

Филицата. Я хоть сейчас. Поликсену только и жалко, а тебя-то, признаться, не очень. (Отворив стеклянную дверь.) Матушка, да вот он!

Мавра Тарасовна. Кто он-то?

Филицата. Сила Ерофеич твой! (Уходит.)

Входит Грознов.

#### ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мавра Тарасовна, Грознов, потом Филицата.

Грознов. Здравия желаю!

Мавра Тарасовна. Батюшки! Как ты? Кто тебя пустил?

Грознов. Меня-то не пустить, Грознова-то? Да кто ж меня удержит? Я Браилов брал, на батареи ходил.

Мавра Тарасовна. Да уж не окаянный ли ты, не за душой ли моей пришел?

Грознов. Нет, на что мне душа твоя? Давай жить да друг на друга любоваться.

Мавра Тарасовна. Да как же ты жив-то? Я давно, как ты в поход ушел, тебя за упокой поминаю. Видно, не дошла моя грешная молитва?

Грознов. Я добрей тебя, я молился, чтобы тебе бог здоровья дал, чтобы нам опять свидеться. Да вот и дожил до радости.

Мавра Тарасовна. Ну, сказывай, не томи, зачем ты теперь ко мне-то!

Грознов. Да ты помнишь клятву, свою клятву страшную?

Мавра Тарасовна. Ох, помню, помню. Как ее забудешь? Ну чего ж тебе от меня надобно?

Грознов. Хочу стать к тебе на квартиру. Выберу у тебя гостиную, которая получше,

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
да и оснуюсь тут; гвоздей по стенам набью, амуницию развешаю.

Мавра Тарасовна. Ах, беда моей головушке!

Грознов. А вы каждое утро ко мне всей семьей здороваться приходите, в ноги  
кланяться, и вечером опять то же, прощаться, покойной ночи желать. И сундук ты  
тот, железный, ко мне в комнату под кровать поставь.

Мавра Тарасовна. Да как ты, погубитель мой, про сундук-то знаешь?

Грознов. Грознов все знает, все.

Мавра Тарасовна. Варвар ты был для меня, варвар и остался.

Грознов. Нет, не бранись, я шучу с тобой.

Мавра Тарасовна. Так денег, что ль, тебе нужно?

Грознов. И денег мне твоих не надо, у меня свои есть. На что мне? Я одной ногой  
в могиле стою; с собой не возьмешь.

Мавра Тарасовна. Мне уж и не понять, чего ж тебе.

Грознов (утирая слезы). Угол мне нужен – век доживать, угол – где-нибудь в  
сторожке, подле конуры собачей.

Мавра Тарасовна (утирая слезы). Ах ты, миленький, миленький!

Грознов. Да покой мне нужен, чтобы ходил кто-нибудь за мной: тепленьким когда  
напоить, – знобит меня к погоде. У тебя есть старушка Филицата – вот бы мне и  
нянька.

Мавра Тарасовна. А я только что ее прогнать рассудила.

Грознов. Ну, уж для меня сделай милость! Не приказываю, а прошу.

Мавра Тарасовна. Чего я для тебя не сделаю! Все на свете обязана.

Грознов (оглядывая комнату). А то, нет, где уж мне в такие хороны! Ты пшеничная,  
ты в них и живи; а я аржаной – я на дворе.

Мавра Тарасовна (с чувством). А еще-то чего ты, сирота горькая, от меня  
потребуешь?

Грознов. Еще потребую, за тем пришел, только уж не много и никакого тебе убытку.

Мавра Тарасовна. Только б не деньги, да чести моей посрамления не было; а то все  
с великим удовольствием. Вижу я, не грабитель ты... а как есть степенный человек  
стал; так уж мне и горя нет, и не задумаюсь, а всякую твою волю исполню.

Грознов. Ну и ладно, ну и ладно.

Мавра Тарасовна. И в ножки я тебе поклонюсь, только сними ты с меня ту прежнюю  
клятву, страшную.

Грознов. А! что! Вот ты и знай, какой Грознов!

Мавра Тарасовна. Каково жить всю жизнь с такой петлей на шее! Душит она меня.

Грознов. Сниму, сниму, – другую возьму, полегче.

Мавра Тарасовна. Да я и без клятвы для тебя все...

Грознов. А сделаешь – так и шабаш: вничью разойдемся. Вот и надо бы мне  
поговорить с тобой по душе, хорошенько!

Мавра Тарасовна. Так пойдем ко мне в комнату! Филицата!

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Входит Филицата.

Чай-то готов у меня?

Филицата. Готов, матушка, давно готов.

Мавра Тарасовна. Подай рому бутылку, водочки поставь, пирожка вчерашнего – ну, там, что следует.

Филицата. Слушаю, матушка. (Уходит.)

Грознов. Говорят, тебе ундер нужен.

Мавра Тарасовна. Да, миленький, ищем мы ундера-то, ищем.

Грознов. Так чего ж тебе лучше, – вот я!

Мавра Тарасовна. Значит, и жалованье тебе положить?

Грознов. Так неужто задаром? Я везде хорошее жалованье получал, я кавалерию имею.

Мавра Тарасовна. А много ль с нас-то запрошишь?

Грознов. Четырнадцать рублей двадцать восемь копеек с денежкой, я на старый счет.

Мавра Тарасовна. Ну, уж с нас-то возьми, по знакомству, двенадцать.

Грознов. Ах, ты! (Топнув ногой.) Полтораста.

Мавра Тарасовна. Ну, четырнадцать так четырнадцать... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

Грознов. Не четырнадцать, а четырнадцать двадцать восемь копеек с денежкой. И денежки не уступлю. А как харчи?

Мавра Тарасовна. Харчи у нас людские – хорошие, по праздникам водки подносим; ну, а тебя-то когда Филицата и с нашего стола покормит.

Грознов. Я разносолов ваших не люблю, мне что помягче.

Мавра Тарасовна. Да, да, состарился ты, ах как состарился!

Грознов. Кто? я-то? Нет, я еще молодец, я куда хочешь. А вот ты так уж плоха стала, сильно плоха.

Мавра Тарасовна. Что ты, что ты! Я еще совсем свежая женщина.

Грознов. А как жили-то мы с тобой, помнишь, там, в Гавриковом, у Богоявленья?

Мавра Тарасовна. Давно уж время-то, много воды утекло.

Грознов. Теперь только мне и поговорить-то с тобой; а как поселясь в сторожке, так ты барыня, ваше степенство, а я просто Ерофеич.

Входит Филицата.

Филицата. Пожалуйте! Готово!

Мавра Тарасовна. Ну, пойдем. Закуси чем бог послал. (Филицате.) Коли кто спросит, так вели здесь подождать! (Уходит; Грознов за ней.)

#### ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Филицата (одна). Ну, как мне себя не хвалить! Добрая-то я всегда была, а ума-то я в себе что-то прежде не замечала, все казалось, что мало его, не в настоящую

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyalexander.ru](http://ostrovskyalexander.ru) меру; а теперь выходит, что в доме-то я умней всех. Вот чудо-то: до старости дожила, не знала, что я умна. Нет, уж я теперь про себя совсем иначе понимать буду. Какую силу сломили! Ее и пушкой-то не прошибешь, а я вот нашла на нее грозу.

Входят Барабошев и Мухояров.

#### ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Филицата, Барабошев, Мухояров.

Барабошев. Но где же маменька?

Филицата. Подождать приказано.

Барабошев. У нас серьезное финансовое дело, никакого замедления не терпит.

Филицата. У тебя серьезное, а у нас еще серьезнее. Там у нее ундер.

Барабошев. Ундер – чин незначительный.

Филицата. Незначительный, а беспокоить не велели. Да авось над нами не каплет, подождать-то можно.

Голос Мавры Тарасовны: «Филицата!»

Вон, зовут! (Уходит.)

Барабошев. Никандра, наши обстоятельства в упадке, в таком кризисе будь в струне!

Мухояров. Первый голос вы, а я вам акомпаниман.

Выходит Филицата.

Филицата (говорит в дверь). Хорошо, матушка. А Платон сейчас будет здесь, он тут недалеко.

Барабошев. Какой Платон, и какая в нем в настоящую минуту может быть надобность?

Филицата. Дело хозяйствское, не наше. (У двери Поликсены.) Красавица, утри слезки-то да выползай! (Отворяя стеклянную дверь.) Платоша, требуют!

Барабошев. Для чего этот весь конгресс, это даже трудно понять.

Мухояров. Я так по всему заключаю, что тут будет для нас с вами неожиданный оборот.

Входят: Мавра Тарасовна, Поликсена, Платон и Грознов.

#### ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Барабошев, Мухояров, Мавра Тарасовна, Поликсена, Платон, Грознов, Филицата.

Мавра Тарасовна. Здравствуйте! Садитесь все!

Все садятся, кроме Филицаты и Грознова, который стоит бодро, руки по швам.

Вот, миленькие мои, вздумала я порядок в доме завести, вздумала, да и сделала. Первое дело, чтоб порядок был на дворе, наняла я ун더라. Амос Панфилыч, вот он!

Грознов. Здравия желаю, ваше степенство!

Барабошев. Как прозываешься, кавалер?

Грознов. Сила Ерофеич Грознов.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)

Барабошев. Ундер в порядке: и нашивки имеет и кавалерию; я его одобряю.

Грознов. Ради стараться, ваше степенство!

Мавра Тарасовна. Я тебе, Ерофеич, весь наш дом под присмотр отдаю: смотри ты за чистотой на дворе, за всей прислугой, ну и за приказчиками не мешает, чтоб раньше домой приходили, чтоб по ночам не шлялись. (Мухоярову.) А вы его уважайте! Ну, теперь на дворе хорошо будет, я покойна; надо в доме порядок заводить. Слышала я, Платон, что заставляли тебя меня обманывать, фальшивые отчеты писать.

Платон. Про хозяина сказать не смею, а Мухояров заставлял, это точно.

Мавра Тарасовна. И деньги тебе, миленький, обещал, да ты сказал, что тысячи рублей не возьмешь?

Платон. Да напрасно меня и просить, это смешно даже.

Мавра Тарасовна. Вот, для порядку, и назначаю я Платона главным приказчиком и всю торговлю и капитал ему доверяю.

Барабошев. Но он несостоятельный должник, у меня его вексель.

Мавра Тарасовна. Дай-ка вексель-то сюда!

Барабошев подает.

Вот тебе и вексель. (Разрывает и бросает на пол.)

Барабошев. Маменька, у меня к вам финансовый вопрос.

Мавра Тарасовна. Погоди, и до тебя очередь дойдет.

Мухояров. Значит, я своей должности решен?

Мавра Тарасовна. Нет, зачем же! Ты умел над Платоном шутить; так послужи теперь у него под началом! А вот тебе работа на первый раз! Поди напиши билетец: «Мавра Тарасовна и Амос Панфилыч Барабошевы, по случаю помолвки Поликсены Амосовны Барабошевой с почетным гражданином Платоном Иванычем Зыбкиным, приглашают на бал и вечерний стол». А число мы сами поставим.

Поликсена. Бабушка, так Платоша мой? Ну, вот я говорила.

Мавра Тарасовна. Никто не отнимает, не бойся!

Поликсена (Платону). Пойдем в гостиную, к роялю, я тебе спою «Вот на пути село большое».

Мавра Тарасовна. Сиди, сиди, что заюлила!

Барабошев. Но как же, маменька, генерал?

Мавра Тарасовна. Куда уж нам; высоко очень.

Барабошев. Значит, Пустоплесов над нами преферанс возьмет?

Филицата. Ты у меня про Пустоплесова-то спроси! У них вчера такая баталия была, что чудо. Сам-то пьяный согрубил что-то жениху, так тот за ним по всему дому не то с саблей, не то с палкой бегал, уж не знаю хорошенъко. Так все дело и врозвь.

Барабошев. В таком случае, я на этот брак согласен. Но, маменька, финансовый вопрос... Мне надо в город ехать, по векселям платить.

Мавра Тарасовна. Ты хотел Платона-то в яму сажать, так не сесть ли тебе, миленький, самому на его место. На досуге там свой цапцапарель попьешь, лик-то у тебя прояснится.

Правда – хорошо, а счастье лучше. Александр Николаевич Островский [ostrovskyaalexander.ru](http://ostrovskyaalexander.ru)  
Барабошев. Если со мной такое кораблекрушение последует, так на все семейство  
мораль; а мы затеваем бракосочетание и должны иметь свой круг почетных гостей.

Мавра Тарасовна. А не хочешь в яму, так Платону кланяйся, чтоб он заплатил за  
тебя; и уж больше тебе доверенности от меня не будет.

Платон. Вот она правда-то, бабушка! Она свое возьмет.

Мавра Тарасовна. Ну, миленький, не очень уж ты на правду-то надейся! Кабы не  
случай тут один, так плакался бы ты с своей правдой всю жизнь. А ты вот как  
говори: не родись умен, а родись счастлив... вот это, миленький, вернее. Правда –  
хорошо, а счастье лучше!

Филицата (Грознову). Ну-ка, служивый, поздравь нас.

Грознов. Честь, имею поздравить Платона Иваныча и Поликсену Амосовну! Тысячу лет  
жизни и казны несметное число! Ура!

1876

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!  
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,  
недвижимость. Здоровый образ жизни.  
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет  
магазин обуви Интернет магазин  
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных  
сайтов. Интеграция, Хостинг.  
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография  
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>  
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!